

КОШКИ И ЛЮДИ

-ИСТОРИИ ЛЮБВИ-

Сборник

Кошки и люди. Истории любви

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2019

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Сборник

Кошки и люди. Истории любви / Сборник — Издательско-
Торговый Дом "СКИФИЯ", 2019

ISBN 978-5-00025-162-1

Книга невыдуманных историй о кошках, котах и людях. О переплетении судеб человека и животных, о дружбе, любви и верности. Рассказы написаны разными авторами, отредактированы с сохранением авторского стиля. Сюжетно части сборника никак не связаны и могут быть прочитаны и перечитаны в любом порядке. Создатели книги хотели вызвать в сознании читателя заглушенные нотки добра и сострадания, так необходимые для воспитания души. Рекомендовано для семейного чтения, без возрастных ограничений.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-162-1

© Сборник, 2019
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

Содержание

Предисловие	6
Екатерина Семёнова	8
Про толстого кота Гошу	8
Про Кота, иностранные языки, студентов и преподавателей	17
Про Ангела, черно-белую кошку и силу рыжих котов	26
Бабай	36
Про Бабая Первого	42
Том, или Первому коту посвящается	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина Семёнова
Кошки и люди. Истории любви
Сборник

© Семёнова Е., 2019

© Издательство «Скифия», 2019

* * *

Предисловие

Однажды я пришла в приют для брошенных котов и кошек выполнить некую посильную работу. Хотелось примерить на себя доселе неведомую социальную роль волонтера. Мне доверили вымыть полы в комнате, где обитало сорок с лишним кошек. Все они когда-то были домашними и любимыми. У каждой был свой уютный уголок и тепло человеческих рук. Потом произошел какой-то сбой в системе, и все исчезло. Пропали из жизни дом и любящая семья людей, являющаяся для пушистого существа с хвостом и четырьмя лапками целой вселенной. Так коты и кошки вдруг стали ненужными и оказались в приюте.

Я наводила порядок в комнате с большим окном и скрипучими полами. Сорок пар глаз неотрывно смотрели на меня. В их взглядах была надежда, боль, тоска, мольбы о помощи. Они смотрели на каждого входящего человека с нерастраченным пока желанием отдать всю любовь, нежность и верность, на которую способны. Более смелые коты пытались запрыгнуть мне на колени или подлезть под руку, в которой я держала швабру. Они призывали погладить, почесать за ухом, прижать к себе. Кошки и коты были самые разные. Длинношерстные и не очень, полосатые и дымчатые. Рыжие, черные и белые. С уникальными характерами и привычками. Их объединяло одно. У всех в прошлом была история жизни с человеком. История дружбы, любви, взаимной заботы, расставаний, потерь, боли и предательства.

Про прошлое некоторых обитателей приюта мне рассказала его хозяйка. Кое-что поведали кураторы и другие волонтеры.

Я стала приходить в приют регулярно, стараясь увеличить коэффициент собственных полезных действий. Сочиняла рекламные тексты для постов в интернете, чтобы найти новых хозяев для кошек из приюта. Помогала устраивать выставки и дни открытых дверей.

На моих глазах в приюте появлялись новые жильцы. Их истории я могла видеть и слышать уже без посредников. Вместе со мной в приют приходили люди. Как и я, волонтеры. У каждого из них в архиве памяти было предание про кота, оставившего отпечаток в сердце. Порой встреча с маленьким четвероногим чудом оставляет в жизни след куда более заметный, нежели сотни встреч и расставаний с себе подобными.

Узнав про мою связь с приютом, друзья, знакомые, коллеги по работе начали рассказывать про своих кошек, делясь воспоминаниями о любимом пушистом друге и члене семьи. Повествования порой бывали забавными, драматичными, наполненными светлой грустью. Их объединяла неиссякаемая нить взаимной любви наших младших братьев и сестер и представителей людского племени.

В ответ на мои посты в интернете мне писали незнакомые люди, рассказывая, как кот или кошка однажды изменили их судьбу.

Историй становилось много, они теснились в моей голове, а их герои мяукали на разные голоса, прося рассказать о них еще кому-то.

Так родилась идея создать сборник рассказов о людях и котах. Или о котах и их людях, как кому больше нравится.

Истории написаны разными авторами, отредактированы с сохранением авторского стиля. Сюжетно части сборника никак не связаны и могут быть прочитаны вами в любом порядке.

Это книга – многоголосие самых разных авторов о самых разных котах и кошках. Сборник невыдуманных историй о милосердии без измен и предательств. Книга про случаи, когда дар абсолютной любви домашнего животного к хозяину преподнесен человеку заслужено.

Я продолжаю помогать приюту, подарившему мне, помимо двух моих горячо любимых котов, возможность чувствовать себя важным и нужным звеном в достижении такой желанной эры милосердия.

Вы тоже сможете поучаствовать, купив книгу. Прибыль от ее продажи будет передана приюту **«Котофеи» СПБРООЗЖ «Второй шанс»** (vk.com/kotofeikomanda) и поможет тем, кто не по своей вине оказался на обочине цивилизации.

Спасибо всем вам! Приятного чтения!

Ваша Екатерина Семёнова

Екатерина Семёнова

Про толстого кота Гошу

Гоша был доволен своими пышными кошачьими формами, ни капельки не комплексуя по поводу без малого десяти килограмм. Он был обычным домашним полосатым котом приятной наружности, длинными усами и округлыми бочками. Глаза зеленые, хвост длинный, уши с кисточками. Пребывал Гоша в самом расцвете кошачьих сил, на здоровье не жаловался и жизнь свою за все благодарил сполна. И ведь было за что!

Гоша не помнил маму-кошку, которая произвела его на свет. Не помнил он своих братьев и сестер. Он, конечно, подозревал об их существовании, но не более того.

Отсчет собственной жизни Гоша вел с того момента, когда его взяла на руки Самая Настоящая Мама. Он сразу полюбил эти руки с большими серебряными кольцами на пальцах, полюбил Мамин запах, сотканный из добрых ароматов ромашкового шампуня, овсяной каши и шерстяного свитера.

Тогда его посадили в новую желтую сумку-переноску, больше Гоши раз в семь по размеру. Постелили на дно тряпочку, чтобы маленькие розовые лапки двухмесячного котенка не скользили по гладкой дерматиновой поверхности. Они долго ехали по длинным улицам большого города. Мама сидела на заднем сидении, крепко держа сумку с Гошей на коленях. Лёня вел машину, старательно объезжая многочисленные пробки. Ему тоже не терпелось попасть домой и заняться устройством их с Мамой нового постояльца.

Решение завести котенка было совместным. С тех пор как Лёня окончил институт, он стал реже бывать дома и далеко не каждый вечер проводил с Мамой. Она относилась к этому как к должному. Что ж поделаешь, единственный сын вырос, вступил на самостоятельный путь. Кроме Мамы, в его теперешней жизни важную роль играли друзья, девушки, научные конференции и презентации, автомобильные выставки, работа в хорошей компании. Мама гордилась, что воспитала достойного сына, умного, доброго, талантливого. Грустно вздыхая, она привыкала ужинать в одиночестве и ждать Лёню, украдкой все же поглядывая на часы.

Лёня старался проводить с Мамой хотя бы один вечер в неделю, но чувствовал, что этого недостаточно.

– Давай возьмем кота! – как-то предложил он Маме, – будет тебе с ним не скучно. Мы ведь давно хотели.

Мама согласилась, и они поехали выбирать котенка к какому-то Лёниному коллеге по работе, у которого как раз кошка недавно родила котят. Выбрали Гошу. Как и почему именно Гошу – история умалчивает.

Гоше казалось, что он всегда жил в этой квартире с высокими потолками и старинной изразцовой печью в прихожей. По вечерам он вместе с Мамой проверял курсовые и дипломные работы Маминых студентов. Место Гоши всегда было слева от Мамы на большом столе с зеленым сукном, за которым писал свои научные труды по общей хирургии еще Лёнин дедушка. Едва только Мама начинала шуршать бумагами, Гоша бросал все дела и шел в кабинет. Он ловко запрыгивал на стол и укладывался на очередную пачку исписанных листов. Мама чесала его за ушком, заглядывала в зеленые кошачьи глаза и серьезно спрашивала:

– Гошенька, ты тоже считаешь, что это хорошая работа? Можно допускать к защите? Иногда Гоша отвечал ей утвердительным «мяу», а иногда просто переворачивался на другой бок. Что, в сущности, означало то же самое.

Как бы поздно ни возвращался домой Лёня, Гоша всегда его ждал. Встречал в прихожей, помогал снимать ботинки, ловя лапами длинные шнурки. Обнюхивал кожаный портфель и куртку. Иногда пахло незнакомыми женскими духами, иногда чебуреками.

Гоша любил сидеть на коврикe в ванной и смотреть, как Лёня бреется и чистит зубы. По утрам он следил, чтобы хозяин не проспал на работу. Едва только звонил будильник в Лёниной комнате, Гоша перемещался на хозяйскую тахту. Тыкался мокрым носом в теплую щеку, пытался поймать спрятанные под одеялом ноги, старательно и громко мурлыкал. Вставай скорее, дорогой хозяин, сегодня четверг, у тебя на работе планерка. Шеф голову оторвет, если опоздаешь. Мама уже кашу приготовила и кофе сварила. Чувствуешь, как вкусно пахнет?

Пока Мама готовила завтрак, Гоша внимательно наблюдал за ней на кухне, зная наизусть всю неизменную последовательность ее движений. Вот она мешает овсянку, напевая мелодию венского вальса. Наливает кофе в свою любимую чашку с синими цветочками и золотым ободком. Кладет одну ложку сахара, садится на стул возле окна.

У Гоши был даже свой собственный стул на кухне, куда не сажали даже самых дорогих гостей. Это Гошин персональный трон, – смеялся Лёня.

После завтрака все уходили из дома. По тому, как тщательно они собирались, Гоша понимал, что уходили Мама и Лёня на весь день. Он быстро съедал все, что было в миске, и призывно мяукал, сообщая, что надо бы увеличить суточную норму корма.

Еды для него не жалели. Лёня покупал самые лучшие корма в магазине возле работы, баловал Гошу консервами с тунцом и лососем. Мама по вечерам давала несколько ложек ряженки, а по воскресеньям крошила в миску сваренное вкрутую яйцо.

Самое грустное в его жизни было ждать вечера, когда хозяева вернутся домой.

Чтобы время прошло побыстрее и Мама с Лёней вернулись пораньше, Гоша спал. Иногда он дремал на Лёниной тахте, засыпая на подушке. Когда становилось совсем тоскливо, Гоша

шел в прихожую, где у порога стояли Мамины тапочки. Он клал на них голову и мысленно посылал Маме сигналы не задерживаться сегодня в институте.

Когда становилось тепло, они с Мамой гуляли по большому балкону и поливали цветы. Точнее, Мама их поливала, попутно состригая отмершие стебельки. Гоша ложился на пол и подставлял свой внушительный пушистый животик под теплые солнечные лучи. Мама отставляла в сторону лейку и наклонялась к коту, чтобы почесать откормленные полосатые бочки.

– Гоша, тебе не кажется, что у тебя лишний вес? Надо бы на диету, – говорила в последнее время Мама.

Несколько раз Лёня выводил Гошу на прогулку в парк. Важно и с достоинством водил по газонам кота на шлейке. Гоша не мог сказать, что ему сильно понравилось на улице. Там было много людей, незнакомых звуков и устрашающих запахов.

Он любил свой дом, где знал каждый уголок. В кабинете ему нравилось лежать в старом дедушкином кресле с клетчатым покрывалом и рассматривать многочисленные книги в книжных шкафах. По тому, как осмысленно Гоша смотрел вокруг, можно было подумать, что он знает содержание каждой из книг и лично был знаком с их авторами.

Зимой Гоша часто лежал на подоконнике и наблюдал за падающим снегом. Когда из теплых стран возвращались птицы, он следил, как они нарезают круги вокруг растущей за окном березы.

Гоша никогда не отличался огненным темпераментом, не любил много бегать и носиться за мячиком, как другие коты. Он был по натуре созерцатель и свою кошачью земную миссию видел в наблюдении за ходом жизни, сменой сезонов, времени суток и погоды.

Счастьем своим Гоша считал стабильность и постоянство. Казалось, всегда рядом будут Мама и Лёня, их заботливые руки будут гладить, чесать бочки, животик и за ушком. А он будет им помогать всеми своими кошачьими возможностями.

Казалось, так будет всегда. Но однажды все закончилось. Его мир, сотканный из присутствия рядом любимых людей, привычных запахов и ежедневных ритуалов, рухнул.

Сначала не стало Мамы. Та, что привезла его, маленького, домой шесть лет назад, исчезла навсегда. Ее тапочки какое-то время еще привычно стояли в прихожей, и Гоша думал, что это просто какой-то очень длинный день никак не может закончиться. Вечер почему-то не наступает, и Мама не возвращается домой. Затем тапочки убрали, стол в кабинете покрылся пылью. Не появлялись на нем больше работы Маминых студентов, и никто не шуршал бумагой.

Мамин запах ромашкового шампуня становился все слабее. Никто не варил на кухне овсяную кашу, не доставал с полки Мамину кружку с синими цветочками и золотым ободком, не варил кофе по Маминому рецепту.

В квартире появились неведомые ранее запахи сердечных капель, равнодушных людей из жилищной конторы, казенных документов, искусственных цветов. В доме поселился запах горя.

Гоша уже не будил Лёню по утрам. Тот несколько дней вообще не ночевал дома. Гоша никогда не оставался дома один на ночь. Ему было страшно. Есть не хотелось, хотя стояла полная миска корма. Лёня не забывал ее оставлять, несмотря на горе.

Потом Лёня вернулся. Он долго сидел в кабинете за Маминым столом и пил что-то сильно пахнущее из прозрачного стакана.

Гоша запрыгнул на стол привычным движением и положил голову Лёне на руку.

– Мамы больше нет, Гошка, – сказал Лёня, и что-то теплое и мокрое упало на кошачье ухо.

Лёня не плакал на похоронах, не плакал на поминках в Мамином институте. Он держался изо всех сил, думая, что если даст волю слезам, то не сможет остановиться. И никто теперь его не успокоит и не утешит. Он остался совсем один, без Мамы.

Но когда Гоша положил голову на Лёне на руку, он понял, что какая-то часть Маминой любви и ласки осталась с ним навсегда. Что-то такое она успела завещать Гоше, чтобы кот стал утешением единственному сыну, ежедневно согревая его теплом настоящей любви.

Лёня поднял на руки тяжелого толстого кота весом без малого десять килограмм и посадил себе на грудь. Уткнулся носом в горячий пушистый живот и почувствовал, как бьется кошачье сердечко.

Гоша продолжал честно исполнять кошачьи обязанности. Будил Лёню по утрам, следил, чтобы тот не забыл побриться и почистить зубы. Они теперь не завтракали вместе. Лёня перестал питаться дома, предпочитая кафетерий на работе по утрам и рестораны по вечерам. Гоша завтракал один, грустно хрустя сухим кормом. Он очень скучал по Маме и волновался, когда Лёня не приходил ночевать домой. Тревогу и одиночество Гоша заглушал едой. Он еще больше поправился и раздался в ширину. Бока приняли форму двух красивых полушарий.

Гоша снова почувствовал, что мир его продолжает рушиться, когда Лёня привел к ним домой Кристину.

Она смерила кота презренным взглядом из-под нарощенных ресниц и сказала:

– Фу, какой он у тебя жирный кот! И шерсти от него, наверное, много.

Затем Кристину пнула ногой кошачий лоток. Гоша в течение шести лет исправно его посещал и содержал в чистоте и порядке, старательно зарывая все свои кошачьи дела в наполнитель.

– И как тебе не противно вот это держать на всеобщем обозрении, Лёня? Убери эту мерзость подальше.

Гоша понял, что лучше лишний раз на глаза новой хозяйке не показываться. Передвижения по квартире он ограничил до минимума, старался больше лежать на любимом подоконнике, прячась за шторой.

Лёня гладил теперь Гошу украдкой, когда Кристину не видела. Потом сразу же шел мыть руки с мылом.

К ним стали часто приходиться гости. Много разных незнакомых и шумных людей сидели на их кухне, ели непонятную еду из пластиковых упаковок и пили пиво. Они громко разговаривали и курили, включая вытяжку над плитой.

При гостях Кристину менялась. Она брала Гошу на руки и высоко поднимала над головой, демонстрируя кота друзьям.

– Вы только посмотрите, какой жиртрест! Десять килограмм жира и шерсти!

Пальцы у Кристины были острые и тонкие. Длинные ногти больно впивались Гоше в подмышки. Пахло от нее ментоловыми сигаретами и сладкими духами. Гоша терпел, ждал, когда гости уйдут и можно будет снова спрятаться на подоконник за шторой.

Очередным сигналом близящегося конца стал визит одной из подруг Кристины. Она разместила на кухне, пила красное вино, курила и пепел стряхивала в любимую мамину чашку с синими цветочками и золотым ободком. На коленях у подруги сидела маленькая лысая собачка с блестящим ошейником.

– Какая прелесть! – расплылась в умильной улыбке Кристину, – и ошейник со стразами! Я тоже хочу такую! Лёня!!!

– Да, любимая, – смиренно ответил он.

– Я хочу такую собачку! Давай купим, а? Я буду везде с ней ходить, костюмчики красивые покупать. Давай купим собаку!

– Но у нас же кот. Гоша... – попытался возразить Лёня, – вдруг они не поладят.

– Это у тебя кот, – Кристину перестала улыбаться, – а я не подписывалась жить рядом с куском жира и шерсти. И душ принимать, глядя в кошачий лоток, я тоже не хочу.

– Есть какие-то специальные места, куда ненужных котиков сдают, – сказала хозяйка лысой собачки, – что-то типа комиссионного магазина для кошек.

Гоша не понял смысла сказанных слов. Только заметил, что Лёня больше не приходит его гладить и все чаще отводит в сторону глаза.

В пятницу вечером после работы Лёня достал с антресолей ту самую желтую сумку-переноску, в которой Гоша приехал домой шесть лет назад. Взял кота на руки и попытался посадить внутрь. С первого раза не получилось. Неудивительно, ведь Гоша вырос в десять раз с тех пор как его возили в этой сумке последний раз.

– Лёня, давай быстрее! Нам еще по магазинам потом, – кричала из прихожей Кристина.

– Он в сумку не влезает, может, сходить побольше переноску купить? – робко спросил Лёня.

– Еще чего! Деньги на него тратить. Запихни уж как-нибудь.

С трудом Гошу засунули в желтую сумку и застегнули молнию. Толстые бока выпирали из стенок, а нос сплющило прозрачной сеточкой-окошком. Кот плотно сложил передние лапы под грудью, а между задними зажал хвост. Было трудно дышать и совершенно невозможно пошевелиться.

Желтая сумка-переноска стояла на заднем сидении. Лёня вел машину, старательно объезжая многочисленные пробки. Ему не терпелось закончить сегодняшний день и навсегда заглушить слишком разбушевавшуюся совесть.

Гошу в переноске внесли в большое помещение. Сразу ударили в нос сотни, нет, тысячи запахов ему подобных четвероногих братьев. Гоша и раньше знал, что на свете есть другие коты и кошки.

Этажом выше их квартиры жил рыжий Виконтый, кот их с Мамой соседа, профессора Сотникова. А от Лёни иногда пахло кошкой Милкой, которая проживала с его школьным приятелем Юрой. Но все эти запахи несли в себе нотки покоя, домашнего уюта и защищенности. А здесь пахло тревогой, потерянностью, страхом, безысходностью и болью. Хотя пробивался также и запах надежды. Надежды отчаянной и упрямой на то, что завтра в эту железную дверь придет Новый Хозяин. Придет именно за тобой.

Дверь открылась, шелкнул замок. Чьи-то ноги нерешительно топтались в узком помещении со стеллажами по обе стороны стены. На стеллажах стояли упаковки кошачьих консервов и ящики с лекарствами.

– Вот, – кто-то из нерешительно топтавшихся подал, наконец, голос, – мы кота принесли. Отдать хотим.

– Что это за переноска у вас такая странная, – девушка в синем больничном костюме в недоумении посмотрела на раздутую с обеих сторон желтую сумку. Затем поняла, что дело не в переноске. Просто сидящий в ней кот был огромный и толстый. А переноска была явно в два раза его меньше, ее раздуло от непосильной ноши. Девушка в синем костюме поняла, что это тот самый Гоша, здоровый кот шести лет, привитый всеми необходимыми вакцинами. Ее уже предупредила Хозяйка Приюта.

Часом раньше Лёня позвонил Хозяйке. Завидев незнакомый номер на экране мобильного, та тяжело вздохнула. За девять лет существования приюта у Хозяйки хорошо развилась способность предугадывать и предчувствовать. Она нажала на кнопку «принять вызов» и приготовилась слушать очередную историю про внезапную аллергию у ребенка, срочный переезд на Северный Полюс, ссору с бойфрендом. Истории про аллергию, переезд и ссоры периодически повторялись. Менялись лишь номера телефонов звонивших, имена, возраст и окрас котов и кошек, вдруг и сразу ставшими неудобными и ненужными хозяевам.

Хозяйка выслушала сбивчивую речь звонившего молодого мужчины. Он торопливо говорил, что кот абсолютно здоров, от блох не чешется, глистов нет. Даже паспорт с прививками у него есть. Ведет себя хорошо, чистоплотный.

– А чего в приют тогда сдаете? – устало спросила Хозяйка.

– Мы собаку решили завести...

– Я вам сейчас перезвоню, – Хозяйка нажала на кнопку «завершить вызов». Достала из пачки тонкую сигарету и закурила. Такое оправдание предательства она слышала впервые. Подавила в себе секундный порыв разразиться ненормативными ругательствами в адрес звонивших. Бог им судья. Сейчас нужно думать о коте. Если она им откажет или наорет в самой грубой форме, то кота они, скорее всего, просто усыпят или выкинут на далекую помойку. Хозяйка перезвонила Лёне, продиктовала адрес приюта и координаты Девушки в Синем Костюме.

Опытные незнакомые руки избавили Гошу от тесной переноски и посадили в клетку. Застелили железное дно чистой простышкой, а в угол положили разноцветную подушечку. Поставили напротив лоток и две миски. С водой и с кормом. Девушка в Синем Костюме еще

раз приподняла Гошу и усадила на подушку. Кот не сопротивлялся. Он плотно сложил передние лапы под грудью, а между задними зажал хвост.

Девушка в Синем Костюме закрыла клетку на защелку и ушла. У нее было еще несколько сотен таких же брошенных и потерянных подопечных.

Гоша смотрел на новый для него мир сквозь решетку. Он пытался найти глазами Лёню, но от него не осталось даже запаха. Ничего не осталось от прежней Гошиной жизни. Не было стола с зеленым сукном, Маминых тапочек, любимого подоконника, знакомых корешков книг в книжных шкафах. Не было птиц, кружащих вокруг березы за окном. Окна в комнате, где стояло еще несколько похожих клеток с другими котами, тоже не было. Может, это просто сон? Затянувшийся кошачий кошмар. Сейчас надо покрепче зажмурить глаза, снова их открыть – и он вновь окажется дома. Но это был не сон. Это был новый Гошин мир, сузившийся до размера клетки с цветной подушкой в углу.

Гоша не мог поверить, что Лёня никогда за ним не придет и они никогда не вернуться в их с Мамой дом. За что? Почему? Ведь я же обещал Маме заботиться о ее единственном сыне. Кто же теперь будет будить Лёню по утрам и следить, чтобы он не забывал чистить зубы? На Кристину надежды мало.

Гоша стал перебирать в памяти события последних недель. Может, он в чем-то провинился, и его наказали? Забыл что-то сделать? Расстроил хозяина?

Напротив стояла миска с едой. Но есть не хотелось. Пить тоже. Надо думать дальше, надо искать причину. Ведь если он поймет, в чем дело, то все можно будет исправить, казалось Гоше.

Прошли сутки, а толстый полосатый кот сидел неподвижно в клетке на цветной подушечке. Передние лапы плотно сложены под грудью, а между задними зажат хвост. Зеленые глаза смотрели в одну точку, как будто пытаюсь увидеть что-то невидимое окружающим. Когда-то шикарные белые усы поникли и опустились вниз.

Несколько раз в день к клетке подходила Девушка в Синем Костюме и озабочено качала головой:

– Нужно поесть, Гоша. Иначе ты заболеешь.

Гоша продолжал неподвижно сидеть на подушке. Он пронзительно смотрел на Девушку в Синем Костюме, пытаясь объяснить ей все. Мне нужно думать, я должен найти причину. Я не могу есть, пока все не пойму. Я должен понять, почему Лёня ушел и не приходит. Если я пойму, то смогу все исправить. Мне нельзя есть. Мне надо думать.

К Гоше подходила Помощница Девушки в Синем Костюме и тоже пыталась уговорить покушать ну хоть чуть-чуть. Ставила перед ним на выбор мисочки с пятью разными кормами. Делала попытки почесать кота под подбородком.

Гоша не возражал против непрощенных ласк незнакомых людей. Дней через пять он понял, что они хорошие и от них пахнет другими котами. Они не причинят зла.

Девушка в Синем Костюме и Помощница очень обрадовались, когда кот начал вставать с подушки, подходить к краю клетки и тереться щекой о протянутый сквозь прутья клетки палец. Но есть он не хотел по-прежнему.

Гоша уже не боялся незнакомых звуков и привык к постоянному появлению новых запахов.

Пахло другими котами, вареной курицей, рисовой кашей, кормами для кошек с большими почками. По утрам пахло моющими средствами и мокрыми швабрами... Пахло лекарствами и мазями...

По выходным дням пахло разными людьми, пришедшими в приют впервые. Люди приходили принести подарки брошенным животным, складывали в холле у двери коробки с мясными консервами для котят, наполнителем для лотков, старыми шерстяными одеялами. Кто-то приходил помочь Девушке в Синем Костюме убрать комнаты с множеством котов и кошек.

Реже приходили люди, желающие взять кота, кошку или котенка из приюта домой насовсем. И тогда один из счастливых гордо уезжал в новой переноске в новую жизнь.

Каждый из множества обитателей ждал с надеждой, что и его в следующий раз обязательно заберут.

Гоша не ждал. Он, наконец, понял, почему его отвезли сюда. Внезапно его озарило понимание горькой правды. Лёня отказался от него, потому что он толстый! Самый толстый в приюте. Никому такой кот не нужен. Нельзя есть. Нельзя жить такому толстому. Такого никто не любит.

Гошу начали кормить насильно через шприц. Параллельно делали ему уколы витаминов. У Гоши потекли сопля из носа, он начал чихать. Ему было холодно, несмотря на постоянно работающий в комнате радиатор. От света зажигаемой днем лампы болели глаза. Он решил отвернуться к стенке, чтобы больше никого и ничего не видеть.

Однажды в комнату вошел Игорь. Он приехал в приют впервые. Сестра слезно попросила отвезти посылку с чем-то очень нужным и полезным. Какие-то оставшиеся после ремонта доски и балки. Котикам в приюте можно будет соорудить неплохие полочки для лежания и сидения. У Игоря была большая машина – доски с балками прекрасно в нее поместились.

У него в жизни вообще все было большое, надежное и добротное. Крепкий японский внедорожник, мебель из дубового массива в квартире, большая кружка для кофе, огромное кожаное кресло в его кабинете технического директора.

Да и сам Игорь был человеком немаленьким. С тех пор как он родился весом 4800 и ростом 56 сантиметров, ему приходилось быть самым крупным в коллективе. Сначала в детском саду, затем в школе и в университете. По поводу своих размеров Игорь никогда не комплексовал, даже когда попадал в неловкие ситуации.

Вот и сейчас, втаскивая упаковки с досками в узкий холл приюта, он нечаянно задел плечом дверь в одну из комнат. Она открылась. Игорь положил доски на пол и повернулся, чтобы закрыть дверь. Но то, что он увидел, заставило его зайти внутрь.

Из клетки прямо напротив двери на него смотрел огромными зелеными глазами огромный полосатый кот. Самый крупный из всех котов, которых Игорь когда-либо видел.

– Какой ты большой, дружище! – непроизвольно воскликнул Игорь, – прямо как я.

Гоша внимательно смотрел на большого человека с рыжей бородой. От него пахло сгущенным молоком и кожаным диваном. Кот никогда не встречал таких больших людей. Это был самый крупный из всех людей, которых Гоша когда-либо видел.

Кот и человек одновременно сделали шаг навстречу друг другу. Гоша встал с подушечки и приблизился вплотную к решетке клетки. Игорь стоял в десяти сантиметрах от него.

Девушка в Синем Костюме, завидев открытую в комнату дверь, решила узнать, в чем дело.

Зашла и невольно заулыбалась, глядя на Игоря и Гошу.

– Как вы похожи! – сказала она и тут же осеклась. Испугалась, что обидела крупного мужчину с рыжей бородой. Но тот и не думал обижаться.

– Я это заметил. Он такой же красивый, как я!

Конечно, Игорь забрал Гошу домой не сразу, а через долгих два часа. Сначала он обстоятельно беседовал с Девушкой в Синем Костюме, подписывал договор, предъявлял паспорт, подробно описывал условия своего жилища и уровень доходов. Старательно записывал названия специальных кормов с низким содержанием калорий и наименования укрепляющих лекарств. Гоша в приюте засопливил, но дома это легко можно вылечить.

Затем Игорь метнулся на своем крепком японском внедорожнике в ближайший зоомагазин, где купил самую большую переноску, самый большой лоток и самую большую лежанку

для кошек. Миску он по настоянию Девушки в Синем Костюме купил все же не самую большую. За весом Гоши надо будет строго следить и соблюдать диету. Кормить дозированно.

Большая переноска с Гошей стояла на заднем сидении. Игорь вел машину, старательно объезжая многочисленные пробки. Ему не терпелось попасть домой и заняться устройством их с Настей нового постояльца. То, что жена не будет против, он знал наверняка.

В квартире пахло специями для приготовления рыбы, ванильным мылом и деревом.

Настя наклонилась к полосатому коту, неуверенно выбравшемуся из переноски на пол в прихожей, выложенный кафелем в форме шахматной доски. Внимательно посмотрела Гоше в большие зеленые глаза и широко улыбнулась:

– Как же вы с ним похожи, просто одно лицо!

Затем с легкостью подняла кота весом без малого десять килограмм и прижала к груди. У нее были длинные рыжие волосы, перехваченные на затылке оранжевой резинкой, ласковые руки и успокаивающий запах запеченной в духовке рыбы. Гоша впервые за долгое время почувствовал, что он хочет есть. А затем пройтись по новой квартире, исследовать все углы, найти любимый подоконник для наблюдения за ходом жизни. После неплохо бы проверить кухню и диваны на предмет мягкости. И, самое главное, приступить к немедленному выполнению кошачьих обязанностей. Смотреть, правильно ли Рыжая Мама готовит еду, а Большой Человек чистит зубы и бреется. А то, судя по его бороде, у него с этим большие проблемы. Без Гоши он не справится.

А знаете ли вы, что...

Ранние предки современных кошек жили около 30 миллионов лет назад. Ученые назвали их «Proailurus», что на греческом означает «первая кошка». Биологический вид, к которым принадлежат современные кошки, появилась около 12 миллионов лет назад.

Про Кота, иностранные языки, студентов и преподавателей

Его называли просто Кот. Иногда прибавляли к основному именованию еще какой-нибудь уменьшительно-ласкательный или увеличительно-уважительный суффикс. Тогда он становился Котиком, Котищем или Котаном. По несколько раз на дню его именовали по-иностранному, называя на испанский манер *Señor Gato*. Или же *Monsieur Chat* на французский. Приходилось откликаться и на чешское *Pane Kat* и даже на *Mister Cat*, произносимое на чистейшем британском английском.

Кот с одинаковой охотой отзывался на все свои имена, в очередной раз убеждая окружающих в том, что и среди животных встречаются полиглоты.

Языковые способности Кота были вполне объяснимы. Ведь он был не каким-то обычным котом, который только и умеет, что лежать на диване да гоняться за игрушечной мышкой.

Жил Кот на филологическом факультете университета, где обучают более чем ста языкам. Кота знали все студенты, преподаватели, заведующие кафедр, работники факультетской столовой и вахтерша тетя Тамара. Никто не знал, сколько ему лет и как он попал на факультет. Казалось, Кот жил там со дня его основания.

Наружность у Кота была самая обычная и заурядная. Можно сказать, типичная наружность для кошачьих средней полосы. Среднестатистические черно-серые полосы с вкраплением чуть заметной рыжины. Уши торчком, хвост слегка загнутый на конце, и достаточное количество усов, белых вперемежку с черными. Глаза у Кота были зеленые и могли принимать разные оттенки – от изумрудного до нефритового, в зависимости от освещения помещений, в которых Коту приходилось бывать.

Разрешалось ему находиться практически везде. Кот мог входить без доклада даже туда, куда рядовой студент или посетитель должен был записываться сильно заранее.

Кот мог проشمыгнуть мимо строгой Людмилы, секретарши самого декана, и проникнуть в кабинет главного человека на факультете.

Конечно же, Кот знал, как вести себя с начальством на его территории. Он входил в приемную, заставленную книжными шкафами и стеллажами. Делал приветственный круг почета перед широким столом и садился так, чтобы главный человек факультета мог узреть Кота, не отрываясь от монитора или от стопки бумаг с печатями.

– Ректор предлагает на следующий год снизить количество бюджетных мест на кафедре славянской филологии, – главный человек обычно первый начинал диалог с Котом. Будучи крайне занятым решением сразу нескольких глобальных вопросов, декан сразу переходил к сути и не тратил время на формальные приветствия.

– Мур, – реагировал Кот.

– Говоришь, что он ректор и ему сверху виднее? – переспрашивал декан, – с одной стороны, правильно. Ну, куда нам так много специалистов по «Слову о Полку Игореве»? Хватит и тех, что уже есть. Нерентабельная эта кафедра.

– Мур-мур, – отвечал Кот.

– Придется сократить ставки преподавателям старославянского. Кого-то на пенсию отправим...

– Мур... – напоминал Кот.

– Да знаю я, что научная работа ведется, в журналах статьи студентов публикуют и в конференциях они участвуют. Только вот ректор предлагает за счет освободившихся мест коммерческие курсы иностранных языков расширить. А на высвободившиеся бюджетные средства аудитории для этих курсов обновить. Что поделаешь, рыночная экономика, новые приоритеты.

Кот выжидающе молчал. Ждал, пока декан сам вспомнит.

– Хотя почему мы должны соглашаться? – вспоминал декан, переводя взгляд на групповую фотографию в деревянной раме на стене. Сотрудники факультета, аспиранты, доценты и профессора – участники Великой Отечественной.

– Люди в самое страшное время страну, город и родной университет защищали, жизнью не жалели. Работники факультетской библиотеки редкие книги к себе домой забрали, когда немцы город окружили. Берегли, хранили и даже в лютую блокадную зиму не продали и не поменяли на буханку хлеба или литр подсолнечного масла. Вернули книги в целости после войны в родную библиотеку.

Декан замолкал. Кот терпеливо ждал, пока главный человек на факультете достанет из-под манжеты пиджака клетчатый носовой платок и промокает глаза. В этот момент он вспоминал о маме, хранившей дома медаль «За оборону Ленинграда», и об отце, который погиб на Невском пятачке.

– Кафедра славистики наукой занималась даже в лютые девяностые, переводы древних летописей на современный русский язык для широкого круга читателей делали, конференции организовывали. Устояли. Выдержали. А сейчас что? Возьмем и сократим до пяти студентов и двух аспирантов? Ради того чтобы денег зарабатывать на коммерческих курсах для всех желающих.

– Мур, – подтверждал Кот.

– Скажу ректору, пусть аудитории для курсов в бывших классах политинформации устраивает. Не надо славистов трогать.

– Мууур, – одобрял Кот.

– Спасибо, что поддержал, Котище! Иди к Марине Ниловне, пусть тебе сметаны выдаст. Скажи, что лично я распорядился.

– Мур, – прощался Кот, выходя из приемной и направляясь в столовую.

Там пахло сосисками в тесте, булочками с изюмом и замороженным минтаем. Монотонно урчала огромная посудомоечная машина, и брякали стаканы с чашками на подносах. Скоро закончится вторая пара, и студенты ринутся в буфет за свежей выпечкой. Молодой организм тратит много сил на усвоение новых знаний, а до обеда еще несколько часов.

По понедельникам, средам и четвергам сама заведующая столовой, Марина Ниловна, вставала за прилавок и продавала булочки, сосиски в тесте и пирожки.

Кот знал, что сегодня как раз четверг. Марина Ниловна старательно прикалывала белую наклеечку к крепко сбитой прическе из крашенных хной волос. Бросила последний взгляд в маленькое зеркальце, спрятала его в карман фартука. Кот терпеливо ждал, пока она обернется и заметит его.

– Здравствуй, мой хороший! – Марина Ниловна улыбнулась и чуть наклонилась в его сторону.

– Мур, – ответил Кот.

– Сметанки сейчас дам, погоди.

– Мур-мур, – поблагодарил Кот. Он же не только ради сметаны пришел. Повидать хотел, узнать, как дела, есть ли новости от дочки и внука Марины.

– Внук на осенние каникулы приедет, если билеты они возьмут, – заведующая улыбалась еще шире, на щеках начинали играть ямочки, а в глазах светились огоньки любви.

Кот молча ел сметану из фаянсового блюдца с инвентарным номером. Когда-то вся посуда на факультете была такая. Несколько лет назад новый ректор распорядился заменить советский фаянс на что-то новое, современное, отвечающее духу времени. Завхоз дядя Миша договорился с какой-то фирмой о поставке посуды из Китая. Теперь студенты ели из оранжевых тарелок, а профессора пили кофе из чашек ярко-лимонного цвета с плохо приваренными ручками. Дядя Миша убеждал всех, что это особенности дизайна. При этом левый глаз у него

начинал дергаться и непроизвольно коситься в сторону стоянки автомобилей сотрудников. Где-то там была припаркована его новая «Лада-Калина». Оранжевая, как китайская тарелка.

Остатки фаянса времен Советского Союза работникам столовой разрешили разобрать по домам. Почему-то никому не понадобилось одинокое, оставшееся без пары, блюдечко. На нем раньше подавали толстые румяные оладьи с яблочным повидлом. Оладьи из факультетского меню велено было убрать как пережиток прошлого. Вместо них кондитеры осваивали рецепт штруделя и чизкейка.

– Не пускает ее душегуб этот с матерью повидаться, – в который раз принималась рассказывать Марина Ниловна. Кот тщательно вылизывал сметану и слушал. Он знал, что никакие советы и комментарии тут не помогут. Надо просто молча выслушать, а затем старательно потереться о ноги Марины Ниловны, выражая сочувствие и глубокое понимание ее материнской тревоги.

Дочка Марины Ниловны восемь лет назад выскочила замуж за молодого военного. Сразу после свадьбы поехала за мужем в далекий Забайкальский край, не окончив даже третьего курса на факультете. А ведь Марина Ниловна столько сил положила, растила дочку одна, в хорошую школу ее устроила. К самому декану ходила, чуть ли не в ноги падала, просила дочь на вступительных экзаменах не заваливать.

Так радовалась, когда дочку взяли на филологический факультет. На скандинавскую кафедру, на отделение датского языка и литературы. Марина была счастлива за дочь и уже ясно представляла ее будущее. На четвертом курсе студентов отправляли на стажировку в Данию. Каждый год посольство устраивало конкурсы, давало стипендии самым талантливым и приглашало их потом на работу.

Марина уже четко видела, как дочка, отличница и красавица, закончит учебу, поедет работать за границу и выйдет там замуж за самого настоящего принца датского. С каждой зарплаты покупала дочери обновки, чтобы та выглядела не хуже остальных студенток престижного факультета. Марина Ниловна их каждый день видела в своем буфете и в молодежной моде разбиралась.

Дочка училась хорошо. Благодаря маминым стараниям одета и обута была как надо. Не стыдно было за датского принца сватать.

Вот только вместо принца влюбилась дочь в курсанта военного училища. Круглый сирота, ни кола, ни двора. Из всей родни только двоюродная бабка в глухой деревне.

Уж сколько Марина плакала, сколько рассказывала дочке про все тяготы жизни с военным. Будешь всю жизнь по просторам родины с чемоданом за ним скитаться. Не будет ни заграниц, ни принцев датских, ни красивой одежды.

– Но разве прикажешь молодому горячему сердцу? – пытался объяснить Кот Марине Ниловне. Он-то в молодых сердцах разбирался. Сколько разных историй студенческих романов и расставаний Кот наблюдал в стенах факультета! Но Марина не стала бы слушать утешения Кота, даже если бы он вдруг заговорил человеческим голосом.

После стремительной свадьбы дочка с новоиспеченным зятем уехала в далекий Нерчинск, куда и по телефону порой было не дозвониться. Учебу не закончила. Обещала матери перевестись потом на заочное в тюменский университет. Но и этого не случилось. Родился внук, которого Марина Ниловна за все семь лет видела всего три раза. Зять не любил отпускать дочь с внуком в гости к теще. Боялся, очевидно, что та вспомнит о былой жизни в большом красивом городе и не захочет возвращаться в холодный Нерчинск, где из развлечений только краеведческий музей да магазин запчастей для тракторов под названием «Окраина».

– Совсем я одна осталась, Котя, – Марина Ниловна садилась на стул, чтобы Коту было удобней тереться ей об ноги, – дочка за тысячи километров, внук меня не помнит, и датский принц не предвидится.

С верхних этажей начинал доноситься шум открывающихся дверей, захлопывания конспектов и веселых голосов. Закончилась вторая пара. Студенты потянулись в буфет. Марина Ниловна становилась за прилавок, а Кот выходил в факультетский дворик. Там его присутствие в перерывах между парами было крайне необходимо.

Двор филологического факультета был местом особым. Туда даже экскурсии водили и туристов пускали с особого разрешения декана.

Туристов влекли во дворик необычные бронзовые скульптуры. Их лепили и ваяли современные скульпторы в соответствии с духом нового времени.

– Никаких скучных статуй и бюстов героев, – распорядился ректор. Только новое, современное, необычное, идущее вразрез с застаревшей традицией. Получилось неплохо. Даже Коту понравилось. Скульптуры были неброские, не пугали размерами и разбросаны были по дворику вне всякой симметрии. От этого казалось, что у каждой из них есть душа.

Студенты очень любили бронзовую бегемотиху по имени Тоня и таксу, пока не получившую имени.

Чуть подальше от них сидел Маленький принц рядом с чемоданом, из которого торчала голова поэта Иосифа Бродского. А на изящной скамейке в любую погоду сидели бронзовые ангел и бес. Где-то совсем рядом проползала огромная улитка. Тоже, разумеется, бронзовая.

Студенты, давно привыкшие к скульптурам, выходили во дворик в любую погоду. Покурить, поговорить, повторить слова, выученные к диктанту. Выходили во дворик в надежде на случайную встречу с объектом своих тайных мечтаний. Или же просто хотели увидеться с преподавателем в неформальной обстановке и уговорить его в очередной раз перенести срок сдачи курсовой.

Преподаватели тоже в перерывах приходили во дворик. Покурить, поговорить, просмотреть тезисы новой лекции.

Двор филологического факультета напоминал во время перерывов турецкий базар, французский салон и миланский показ мод одновременно.

Кот вышел во двор, огляделся и решил улечься под скамейку с ангелом и бесом. Она называлась Скамья советов. Земля уже успела прогреться, а пробившиеся сквозь нее молодые травинки приятно щекотали нос.

Прямо напротив пестрая стайка первокурсниц английской кафедры хвасталась друг перед другом высотой каблучков и решала, куда пойти плясать в выходные. До Кота под скамейкой им не было никакого дела. Как, впрочем, и до учебников по исторической фонетике, которые они для приличия держали в руках.

На скамейку села Аня с итальянского отделения. Кот был знаком с ней с первого дня ее учебы на факультете. Аня каблучки не носила потому, как еще в десятом классе сильно повредила колено и с тех пор слегка хромала. Колено реагировало на плохую погоду и болело. Еще оно болело, когда Аня сильно нервничала. Кот чувствовал чужую боль, даже находясь на расстоянии нескольких метров.

Он вылез из-под скамейки и прошелся перед Аней, слегка изогнув спину.

Девушка держала в руках растрепанные листки с латинским текстом. Ксерокопия второй главы «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря. Между строчек поверх печатного текста Аня карандашом записывала перевод, при этом шевеля губами.

– *Caesar suas copias in proximum collem subducit, aciem instruit...*

– Цезарь свои войска на ближайший холм повел и выстроил их в боевом порядке, – с легкостью перевел Кот мудреную латинскую фразу. С «Записками о Галльской войне» он был знаком. Студенты читали и переводили эту книгу со дня основания факультета.

Латынь была настоящим наказанием студентов романской кафедры. Желающие овладеть испанским, французским или итальянским должны были целых два года читать и переводить то, что было написано более тысячи лет назад, на русский язык, запоминать слова и фразы из

языка, на котором никто уже и не говорит. Только врачи и фармацевты пишут на нем рецепты, назначения и произносят названия лекарств, вгоняя в страх пациентов.

Аня заметила Кота и на секунду оторвалась от «Записок».

– *Gattino*¹, у меня ничего не выходит, – горестно сказала Аня, одной рукой рассеянно поглаживая Кота по спине. Не переводится этот Юлий Цезарь красиво у меня.

Кот еще сильнее выгнул спину, чтобы Ане было удобнее его гладить. Начал интенсивно и громко мурчать, добиваясь успокоительного эффекта.

За годы жизни на факультете Кот научился тонко чувствовать страх и волнение студентов перед экзаменом, зачетом или сложной контрольной. Старался помочь тем, кто со страхом совладать не мог и рисковал от испуга забыть все, что учил накануне. Для каждого у Кота был свой метод. Перед кем-то достаточно было походить рядом, распушив хвост. С кем-то он активно мяукал, настраивая на конструктивный диалог с преподавателем. Лишь избранным Кот позволял себя гладить и чесать за ухом.

По вторникам и четвергам у студентов итальянского была латынь, которую вела свирепая Ванда Эдиповна.

Внешность ее была под стать имени. Стройная, худая, длинная, как Колосс Родосский, преподаватель классической латыни носила длинные развевающиеся юбки, темные пальто с широкими рукавами и тяжелые серебряные серьги. Черные с легкой проседью кудрявые волосы никогда не убирались в прическу и развевались на ветру, когда Ванда Эдиповна решительной походкой пересекала двор. В эти моменты веселая болтовня студентов затихала, аспиранты старались спрятать за спину сигарету, а профессора уважительно склоняли голову в знак приветствия.

Кот старался скрыться куда-нибудь подальше. У Ванды была аллергия на шерсть. При приближении к Коту она начинала громко чихать, глаза ее мгновенно краснели, и от этого становилось еще страшнее.

Ванда Эдиповна не слишком любила студентов испанского и итальянского отделений. Для них ее предмет был неприятной необходимостью, частью обязательной программы. На филологический факультет они поступали, по ее мнению, стремясь к красивой жизни, дипломатической службе и встречам со средиземноморскими красавцами и красавицами. Науки им были не нужны, книги они читают из-под палки, а латынь учат по принуждению.

Впрочем, если студент был хорошо готов к уроку и переводил Цезаря, Овидия и Тита Ливия без запинки, он удостоивался сдержанной похвалы суровой Ванды. Но стоило тому хоть раз ошибиться, поставив ударение не на тот слог, Ванда Эдиповна выпускала наружу весь свой богатый арсенал презрительных комментариев, обидных эпитетов и уничижительных сравнений.

– Аня, идите учить суахили или банту. Я вижу, вам все равно, над каким древним языком издеваться. Пусть это будет не латынь, – отчитывала Ванда несчастную Аню во время последнего урока.

– Мур-мур-мур, – активно тархтел Кот. Он хотел сказать, что надо потерпеть еще один год, сдать экзамен, а потом устроить ритуальный костер из ксерокопий «Записок о Галльской войне». Кот знал, что дальше ничто не будет отвлекать Аню от занятий любимым итальянским и переводов сонетов Петрарки. Еще он знал, что после четвертого курса Аня пойдет стажироваться в Академию художеств, где будет переводить мастер-классы известного скульптора из Флоренции. Его восхитит Анин безупречный итальянский и профиль, как у римских статуй времен Империи. Он предложит ей работать переводчиком в его частной школе во Флоренции, куда приезжают учиться молодые скульпторы со всего мира. В перерывах между занятиями

---

¹ Котик (*итал.*).

Аня будет ему позировать. Скульптор будет лепить с нее лик Андромеды и профиль Минервы. Щедрое итальянское солнце навсегда вылечит ее колено, и Аня никогда больше не будет хромать.

Коты умеют заглядывать в будущее и способны давать людям знаки-предсказания.

Перерыв закончился, и дворик заметно опустел. Студенты и преподаватели растеклись по аудиториям. Кот окинул взглядом двор. Одиноким аспирант с кафедры языкознания пил кофе из бумажного стаканчика и с тоской смотрел на часы. Сдавать очередную главу кандидатской нужно было только через два часа. Заняться аспиранту было нечем. Кот знал, что к животным он равнодушен и кошек за полноценных существ не считает. Подходить к нему не стал.

Рядом с бронзовой скульптурой бегемотихи самый главный сердцеед с четвертого курса французского отделения очаровывал очередную первокурсницу. У нее была белая коса, густая челка и умопомрачительные длинные ресницы. Достойная причина прогулять лекцию по теоретической грамматике, – подумал Кот.

Он подошел к бегемотихе и сделал все, чтобы парочка его заметила.

– Какой хорошенький котик! – всплеснула руками первокурсница, имени которой Кот пока не знал.

Зато он прекрасно знал сердцееда с четвертого курса. Звали его Борис Беккер, и славился он коллекционированием разбитых девичьих сердец. Коту приходилось утешать безутешно плачущих девушек, покинутых Борисом.

Он даже пытался сделать сердцееду внушение. Садился напротив и гипнотизировал его своими зелеными глазами.

Борис был парнем не только красивым, но и умным. Тайный язык кошек понимал и в диалог с Котом вступал:

– Что я могу поделать, mon cher chat², я выбираю. Вот встречу свою единственную и неповторимую и женюсь.

Кот хотел Борису верить, но девушек каждый раз было чрезвычайно жалко.

– Мяу! – решительно заявил Кот. Это означало – Борис, не дури девушке голову. Ведь все равно после сессии бросишь.

Борис отвлекся от красавицы с длинными ресницами, присел перед Котом на корточки и погладил его сразу обеими руками.

– Котэ, я думаю, это та самая. Моя будущая жена. Она меня в театр позвала! Ты представляешь, в театр! Не в клуб, не на дискотеку. А в Малый драматический. Думаю в воскресенье ее с мамой познакомить...

– Мяу, – Кот одобрил выбор Бориса и решил самолично держать новый роман на контроле.

После окончания занятий, семинаров и лекций Кот шел в библиотеку. Старший библиотекарь Верочка к этому времени уже насыпала в миску сухой кошачий корм и ставила рядом пластмассовую чашку со свежей водой. Кот делал пару подходов к пище, а затем начинал свой ежедневный старательный обход библиотеки. Внимательно обнюхивал корешки старинных фолиантов и проверял, не отсырели ли толстые словари и многотомные сочинения классиков всевозможных мировых литератур. Следил, чтобы не одна мышь не проникла в книгохранилище.

---

² Мой милый кот (франц.).

После Кот ел из миски уже более основательно и шел дремать на старинный деревянный попир, стоявший в углу читального зала. Дремал он, слегка приоткрыв левый глаз. Наблюдал за читателями и слушал успокаивающий шелест страниц.

Когда же последний посетитель сдавал книгу Верочке, Кот вместе с ней закрывал библиотеку и шел на вахту к тете Тамаре. Смирненно семенил рядом с вахтершей, проверяющей, все ли аудитории закрыты, и не забыл ли кто из преподавателей сдать на вахту ключ.

Тетя Тамара устроила для Кота уютную постельку в коробке из-под ксерокса, застелив ее шерстяным одеялом. Кот спал в ней, если у него не было срочных ночных дел.

Однажды Кот стал причиной экстренного заседания заведующих всех кафедр под председательством самого декана.

Собственно говоря, основной причиной для срочного внепланового собрания был злостный студент-второгодник Давид.

Давид учиться упорно не хотел, по три раза пересдавал едва ли не каждый предмет. В конечном итоге, брал преподавателей измором, и те ставили ему зачет либо оценку «удовлетворительно». Давид решительно не хотел ничего учить и ни во что вникать. Ему лишь хотелось подольше оставаться в большом красивом городе, ездить на новенькой иностранной машине и плясать с модными девушками в дорогих клубах, поражая их размахом своей щедрой восточной души.

Такая жизнь нравилась Давиду куда больше, нежели перспектива вернуться домой и заведовать там одним из заводов по производству колбас, принадлежащих его отцу.

Давид желал как можно дольше оставаться в статусе студента.

Вот только суровая Ванда Эдиповна ни в какую не хотела ставить ему зачет и допускать к сессии.

– Ваши знания равны нулю, юноша, – строго говорила она в очередной раз возвращая Давиду зачетку, – вы даже не знаете склонения местоимений. Зачет я вам не поставлю, рекомендую подумать о смене профессии. Вы позорите факультет и звание универсанта.

Раздосадованный Давид вышел во двор. К сессии его не допускали. Перспектива позорного выдворения с факультета с последующим возвращением домой была близка как никогда.

Давид пылал ненавистью к Ванде Эдиповне и очень хотел ее ударить. Но за такое можно сесть и в тюрьму. А это похуже колбасного завода.

Мимо Давида по двору проходил Кот. Шел своим обычным утренним маршрутом, не подозревая ничего плохого.

Давид увидел Кота и глаза его налились яростью, требовавшей выхода наружу.

Он пробормотал что-то нехорошее и со всей силой пнул Кота ногой.

Издав жалобное «мяу», Кот отлетел в кусты. Пару секунд он лежал на земле, оправляясь от шока. Люди никогда еще прежде не причиняли ему боли и вреда. Кот не знал, что люди бывают плохими.

Он неуверенно сел и принялся исследовать ушибленный бок. Ребра не сломаны, дышать можно. Пройдет, только надо полежать денек.

Кот прижал уши, наклонился как можно ниже к земле и решил по-тихому дойти до коробки с шерстяным одеялом внутри.

Тут во двор выбежала Ульяна Ткаченко, первая красавица факультета. Она видела все произошедшее из окна аудитории. Сначала Ульяна набросилась на Давида, решив отгаскать его за волосы, приговаривая:

– Ты что делаешь, придурок?! Как ты посмел Кота тронуть? Ответишь за это!

Девушка для закрепления эффекта зарядила Давиду хлесткую пощечину и кинулась к Коту.

– Как ты, малыш? Сильно больно? Сейчас к ветеринару поедem.

Вслед за Ульяной во двор выскочили еще полтора десятка человек. Они окружили Кота, наперебой предлагая помощь, ветеринара, взять на ручки, пожалеть, защитить.

Кто-то из девушек уже звонил в ветеринарную клинику. Двое парней заломили Давиду руки, а третий прицеливался, намереваясь ударить обидчика Кота куда-нибудь побольнее.

– Остановить рукоприкладство! – послышался суровый голос Ванды Эдиповны. Гроза факультета впервые за много лет прервала занятие, увидев отлетевшего в кусты Кота. Она грозно трясла указательным пальцем и громко чихала. Аллергия на кошачью шерсть давала о себе знать, но Ванда не обращала на нее никакого внимания.

– Никаких самосудов на факультете. Ведите его к декану! Будем ставить вопрос о немедленном отчислении, – распорядилась Ванда. Затем она повернулась к Давиду и, глядя ему прямо в глаза, сказала:

– Вы не только неуч и бездельник, а еще и живодер. Таким не место в университете.

Ульяна Ткаченко все же отвезла Кота на рентген к ветеринару.

– Ничего опасного. Ушиб. Покой и ласка, – успокоил врач.

– Мяу, – тихо произнес Кот.

Тем временем декан собрал за длинным столом всех заведующих кафедр.

– На повестке дня один вопрос. Отчисление студента за несоблюдение морально-этических норм. Без возможного восстановления на факультете.

– А что он сделал? – спросил кто-то из опоздавших на заседание.

– Ударил Кота!

Проголосовали единогласно. В тот же вечер был подписан приказ об отчислении Давида.

Кот еще пару дней отлеживался в коробке на вахте у тети Тамары. Все порывались его навестить, но суровая вахтерша посещения ограничивала.

– Коту покой нужен! По одному заходите и на пару минут!

Кот пришел в себя и еще несколько лет исправно нес свою службу на филологическом факультете. Подбадривал студентов перед экзаменами, давал советы декану, следил, чтобы не завелись мыши в библиотеке.

Потом он исчез. Студенты пытались искать его и звали на всех известных им языках.

– Сеньор Гато, Мистер Кот, Гаттино, Котэ, Котик, ну где же ты?

Даже ректор в своей очередной визит на филологический факультет спросил у декана:

– Где же ваш знаменитый Кот?

– На повышение пошел. Теперь в небесной канцелярии служит, – отвечал декан, украдкой промакивая глаза клетчатым платком.

А знаете ли вы, что...

Хотя во многих частях Европы и Северной Америки черная кошка считается плохим знаком, в Великобритании и Австралии встреча с черной кошкой предвещает удачу. Во Франции, Болгарии и Англии считается, что получить в подарок черного кота – знак особого уважения.

Про Ангела, черно-белую кошку и силу рыжих котов

(почти правдивая история, рассказанная Еленой Сипидиной)

Ангел взглянул на серое свинцовое небо, туго затянутое снежными тучами. Поежился от холода, повыше поднял воротник и принялся растирать друг о друга озябшие крылья. В этом городе в это время года даже ангелы мерзли и зябли. Ноябрь был самым печальным и неприветливым месяцем. Темнело рано, солнце сквозь толщу туч было не разглядеть, ветер беспощадно срывал с прохожих шапки, а с деревьев последние листочки вместе с ветками. В такую погоду хорошо сидеть дома, забравшись с ногами под мохнатый плед с кистями. Пить обжигающий чай из большой кружки с веселым рисунком, хрустеть печеньем и вспоминать о лете. На улицу выходить совсем не хочется, гулять под дождем и снегом не слишком приятно.

Но работу никто не отменял, трудовая дисциплина погоде неподвластна. План выполнять надо, отчеты сдавать обязательно и количество положенных часов трудиться все равно придется.

Ангел подлетел к старой, но крепкой на вид березе. Нашел самую прочную из всех ветку и уселся на нее, поджав под себя ноги. Береза пережила уже не один десяток зим и вынужденные изменения в природе сносила со стоическим смирением.

Достал из кармана пальто записную книжку в кожаном переплете. Непослушными от холода крыльями начал листать странички. Нашел – ноябрь, четвертая неделя. Список из двадцати шести имен. Напротив двадцати стояли красные крестики, старательно вычерченные грифельным карандашом. Последние шесть имен из списка никак помечены не были. Ангел в сотый раз прочитал то, что и так знал наизусть. Имена, примерный возраст, особые приметы, место обитания, предполагаемая дата смерти. Все было предопределено, просчитано и отмечено. Ему не нужно было раздумывать, брать или не брать душу с собой. Властитель распорядился, небесный совет согласился, канцелярия завершила список и вручила его Ангелу. Лети на землю, собирай невинные души безгрешных и обиженных. Аккуратно, чтобы лишний раз не сделать больно, прижимай каждую к себе и доставляй ее на небеса. Небесам нужны светлые и невинные души, чтобы населять сказочные леса, гулять по цветущим полям и прыгать с облака на облако.

Ангел служил в Четвертом Департаменте, где условия всем казались легкими, работа не пыльной, а выполнение плана по поставке новых душ проходило чрезвычайно просто. Четвертый Департамент ведал животным миром. Его сотрудникам не нужно было рассуждать, в отличие от всех других департаментов, достойна та или иная душа небес, достаточно ли в ней света и добра. Животные в большинстве своем сохраняли до смешной наивности светлую душу до самого конца своей земной жизни. Четвертый Департамент план выполнял и сотрудников своих всячески поощрял.

– Вот список, – руководитель выдал Ангелу задание, – сегодня больше, чем обычно. Поспеш! На следующей неделе еще прибавится.

– А почему так много? – осведомился Ангел, пробегая глазами по списку, состоящему из кличек и описаний собак и кошек.

– Нехорошо последнее время на земле, – вздохнул руководитель, – очень много ярости и слепой злобы у людей. Кошек в подвалах заживо замуровывают, собак бензином обливают и поджигают...

– Зачем?! – ужаснулся Ангел. За три года службы он никак не мог привыкнуть к некоторым вещам. Хотя на учебных семинарах они разбирали самые разные способы смерти и учились как можно бережней извлекать душу из истерзанной порой до неузнаваемости плоти.

– Ради забавы. От тупой ярости. Или от равнодушия. Оно иногда хуже самой страшной ярости.

– Им же у нас лучше будет, да? – спросил Ангел, ища поддержки руководителя. Ему очень не хотелось в очередной раз спускаться на злую, холодную землю, где от скуки заживо сжигали собак и мучили кошек.

– Для некоторых мы – последняя надежда. На земле у них нет шансов. Лети и одевайся потеплее, – предупредил руководитель, – там зима наступает.

Ангел сверил адрес в записной книжке с геолокацией в служебном смартфоне. Все правильно. Спальный район, неработающая котельная.

У проржавевшей от времени закрытой двери сидела белая с серым молодая кошечка. Шерсть местами была выдрана, худые ребра выпирали сквозь когда-то пушистую шубку. Нос от холода из розового стал белым, а глаза были наполнены молчаливым отчаяньем. Ангел отметил, что, несмотря на в целом потрепанный и жалкий вид, глаза у кошечки были удивительно красивые. Большие, лучистые, коньячного цвета.

Ее бы отмыть, накормить и пригреть на коленях в доме у хорошего человека, – подумал он. Но тут же отогнал от себя ненужные мысли. Не в его компетенции было заниматься переустройством мира. Надо скорее забирать кошечку на небеса. Смерть от холода, голода и одиночества крайне мучительна. В подтверждении правильности мыслей Ангела кошечка чихнула.

– Ты еще и болеешь, бедняга. Иди ко мне скорее, я засуну тебя под пальто и буду согревать своим дыханием, пока мы будем лететь. Будешь греться на пушистом облачке. Оно такое же мягкое, ласковое и мохнатое, как твоя мама-кошка.

Кошка подняла голову и посмотрела на него.

– Неужели на земле для меня нет места? Совсем немного места. Теплый уголок в доме у человека...

– На земле очень много брошенных животных без дома. И все меньше людей с добрым сердцем. Не дожидаться тебе своей очереди, – Ангел решил быть твердым. Чем скорее они закончат разговор, тем скорее кошечка окажется на безопасных и добрых ко всем небесах.

– Может, я еще немного подожду? – взмолилась кошечка, – я слышала, что из соседнего двора рыжего кота Барсука забрали домой. И теперь у него есть семья – мама с папой и их сын Владик...

– А твоих братьев закидали камнями! – парировал Ангел, – на прошлой неделе я забрал их всех скопом. Нелегкая была работа, мучительная смерть...

– Хотя бы пару дней! – кошечка подняла свои прекрасные коньячные глаза к Ангелу, – я чувствую, что мой человек тоже меня найдет. Ну пожалуйста...

Он не в силах был отвести взгляд от этих больших глаз с загнутыми антеннами-ресничками. Не глаза, а погибель. Был бы котом, не устоял бы. Влюбился бы без оглядки.

Ругая себя за отсутствие твердости характера, так необходимого на работе, Ангел протянул кошечке крыло.

– Держись крепче! Садись, знаю тут одно место...

Кошечка собрала все свои последние силы и запрыгнула на белое крыло, выставленное из рукава теплого пальто.

Он старался лететь как можно медленней и как можно ближе к земле. Он этого страшно не любил. От земли веяло холодом и пахло совсем не так, как в небесных садах.

Одним крылом он старательно удерживал кошечку с прекрасными глазами коньячного цвета. Она подобрала под себя все четыре лапы и обернулась хвостом, чтобы не потерять равновесие и не соскользнуть с крыла.

Вторым крылом Ангел зажал нос. Он залетел в подъезд, дверь которого всегда была открыта. Домофон не работал, а кодовый замок сломали без надежды когда-либо починить. В

подъезд заходили погреться люди без определенного места жительства и занятий. Распивали там же найдешевейшие спиртные напитки и иногда там же укладывались спать. Запах был характерный и стабильно невыносимый.

Ангел долетел до третьего этажа, аккуратно посадил кошечку на резиновый коврик возле двери без номера и нажал на кнопку звонка.

– Сейчас откроет. Дальше сама действуй. И не говори потом, что я тебя не предупреждал. Будет нелегко. Людей хороших мало, а кошек – вагон с прицепом.

Кошечка что-то сказала в ответ, но Ангел не расслышал. Дверь как раз открылась. Нужно было срочно скрываться. Люди не должны были догадываться о его существовании раньше положенного срока.

Он вылетел на улицу и спрятался за припаркованной машиной. Видел, как дверь без номера открыла женщина в цветных шароварах и кофте с капюшоном. Теперь у кошечки есть шанс. Вот только Ангелу предстоит долгий разговор с начальством и подписывание десятка бумаг в небесной канцелярии.

Если кто-то из служащих Четвертого Департамента сознательно оставлял душу на земле, он брал ее на свое попечение и под свою ответственность. Ему надлежало следить за душой, оберегать ее и в любой критической ситуации мчаться на помощь. Независимо от рабочего графика, плана и часового пояса.

– Худенькая какая! – воскликнула женщина в шароварах, – пойдем кушать, а вечером врач тебя осмотрит.

Женщину в шароварах и кофте с капюшоном звали Нелли. Была она куратором одного из приютов для брошенных животных. К ней домой приносили самых безнадежных кошек и котов, которым требовались лечение и круглосуточный уход. Добрые люди переводили Нелли деньги, привозили кошачью еду и медикаменты. Сын регулярно навещался и следил, чтобы холодильник самой Нелли не пустовал, а квитанции за квартиру были оплачены. Периодически Нелли размещала фотографии кошек в интернете, и за ними приходили новые хозяева.

Кошечка оказалась в комнате с большой тахтой, телевизором и книжными шкафами. В шкафах, помимо самих книг, теснились керамические фигурки котов и котиков.

На тахте лежали, свернувшись кто клубком, кто калачиком, полдюжина котов. В коридоре стояло несколько больших клеток. В них тоже были кошки. У некоторых были перевязаны лапы и спины намазаны зеленкой. По кухне вдоль разноцветных пластмассовых мисок прогуливались выздоравливающие коты, распушив хвосты и наострив уши.

Всего кошечка насчитала в квартире восемнадцать представителей мира кошачьих.

Нелли накормила ее чем-то жидким, пахнущим курицей. Уколола какой-то укол под холку и уложила спать на деревянный стул со сложенным в несколько раз шерстяным свитером.

Ангел настроил в смартфоне специальное приложение, чтобы наблюдать за кошечкой онлайн. Вздохнул и принялся писать объяснительную начальству, обосновывая причины, побудившие его оставить душу на земле. Не видать ему премии теперь. План не выполнил. А если что плохое случится с кошечкой, то и штрафа не избежать.

Ангел смотрел, как Нелли колола кошечке антибиотики и давала витамины. Спустя неделю, когда она окрепла, ее искупали в ванне с шампунем от блох и расчесали расческой с частыми зубьями. Кошка немного округлилась в боках, исчезла смертельно болезненная худоба, шерсть заблестела.

– Хороша, – подумал Ангел, глядя в приложение круглосуточного наблюдения, – был бы котом, не устоял бы.

В субботу у Нелли был приемный день. К ней приходили желающие взять кота или кошку. Предварительно они звонили по телефону и договаривались о встрече.

В этот день Нелли ждала семейную пару, которая хотела взять рыжего котенка по имени Чингачгук. Он был озорной, резвый, здоровый и явно претендовал на место лидера. Такому точно не место в квартире в компании еще семнадцати кошек. Нелли разместила в интернете фотографию Чингачгука с краткой биографией. Красивый юный рыжий котик без проблем со здоровьем моментально получил сразу несколько предложений от потенциальных хозяев. Нелли подумала и решила отдать предпочтение солидной семейной паре средних лет.

Лена и Лёня были настроены решительно и в квартиру к Нелли приехали, вооружившись сумкой-переноской и только что купленным в зоомагазине лотком. Озорной рыжий котенок должен был внести в их размеренную жизнь немного необходимого веселого хаоса.

Лена и Лёня вышли на пенсию, оставив в прошлом проектирование мостов и туннелей. Дети давно выросли, получив достойное образование и воспитание. Как следствие, они поддерживали родителей не только морально, но и материально. Дочь открыла свою косметологическую клинику, а сын занимал позицию технического директора. Да не где-то, а в самом Париже! Прекрасно овладел французским, купил квартиру в престижном районе Вожирар и женился на прекрасной Клоэ. Одна за одной родились две дочери – Ленины и Лёни-ны внучки, Агата и Анна. Лена навещала к семье сына по несколько раз в год, учила французский на курсах, дабы без проблем общаться с новыми родственниками, имевшими в собственности пару замков в окрестностях Луары.

Казалось бы, живи и радуйся, наслаждайся покоем. Только вот скучно стало от осознания того, что завтра будет, как и сегодня. А послезавтра и подавно. Хотелось, чтобы каждый день приносил что-то новое, давал поводы для небольших радостей, иногда – для беспокойств, требующих приложения неиссякаемой заботы.

– Вы заведите котенка, – предложил сын во время одного из сеансов связи по скайпу, – выберите породистого, с родословной. Я денег вышлю.

– Не надо денег, сынок. Сейчас столько брошенных животных раздадут в добрые руки. Бывает, сердце разрывается, как хочется их всех сразу спасти...

– Вот и отлично! – подхватил сын, – спасете одного из них.

– Очень рыжего хочу, – Лена уже строила конкретные планы.

– Мы весной приедем, девочки с ним играть будут, – поддержал сын.

Ангел смотрел на Лену с Ленией, стоящих на пороге квартиры Нелли через приложение круглосуточного наблюдения. Заинтересовался, навел курсор на картинку и получил доступ к базе жизнеописаний. Набрал четырехзначный код, и на экране высветилась таблица с личностными качествами и душевными характеристиками. Надо было действовать, причем решительно.

– Здравствуйте, – сказала Нелли, открывая дверь. Вот, возьмите бахилы и проходите дальше по коридору. Чингачгук там.

Ангел со всей силы ударил крылом по облаку. Холодный ветер, дувший в тот день с одинаковой скоростью, мгновенно усилился. На кухне звякнула приоткрытая форточка, а дверь в комнату от налетевшего сквозняка открылась настежь.

Взорам Лены и Лёни открылся обширный панорамный вид помещения с несколькими кошками.

Черно-белая миниатюрная кошечка сидела возле батареи и смотрела прямо на Лёню.

– Какие глазки! – воскликнул тот.

– Красивая какая, – сказала Лена, но тут же спохватилась, – мы за рыжим пришли. Где он?

Нелли смотрела поочередно то на кошку, то на семейную пару. Такое случалось и не раз. Люди шли с намерением забрать одного кота, а уходили, взяв совершенно другого. Взаимное притяжение, психологическую совместимость и родство душ игнорировать не получается.

– Можете ее погладить. Она очень ласковая, – предложила Нелли.

– А как же рыжий? – неуверенно спросила Лена, уже взяв кошку на руки.

– Чингачгук не пропадет, – заверила Нелли, – его много кто еще хотел взять. А вот эта...

Совсем слабая, на улице чуть не умерла от холода, подлечить еще требуется.

– Меня в армии учили уколы делать, – вспомнил Лёня, протягивая руку к пушистой белой манишке. У нас в части еще кот был, звали Макс.

– Назовем ее Макса. Максюшка, – твердо решила Лена. Нелли едва заметно улыбалась. Еще одна кошачья судьба устраивалась. Ангел улыбался тоже. Он был спокоен за вверенную ему душу.

Макса поселилась в трехкомнатной квартире с теплой лоджией, в которой Лена устроила настоящий зимний сад. По нему было так приятно прогуливаться по утрам, воображая себя дикой рысью в вечнозеленых джунглях.

Лёня купил все в том же зоомагазине кошачий домик с терраской и гамаком. Макса отдыхала в нем после обеда. По ночам, когда было холодно, она сворачивалась калачиком в ногах хозяйской кровати. Прикрывала глаза и слушала, что же снится Лёне и Лене.

Лёня колот Максе уколы и уговаривал выпить жидкое горькое лекарство. Скоро она окрепла, став еще более пушистой и ласковой. Болезнь отступила вместе с воспоминаниями о страшных днях на улице, смерти братьев и равнодушном холоде.

Лена учила новые французские слова и читала вслух диалоги по теме «В магазине» и «В музее». Макса лежала рядом, растянувшись на письменном столе, и слушала, как хозяйка старательно артикулирует диковинные звуки.

Вместе с Лёней по вечерам они музицировали. Хозяин, выйдя на пенсию, любил сыграть на фортепьяно после ужина Малера или Моцарта. Макса занимала отдельное кресло и с важным видом внимала звукам классической музыки.

Два раза в месяц на воскресный обед приходила семья дочери Лены и Лёни. Подготовка к обеду начиналась обычно дня за три. Лена выбирала рецепт какого-нибудь нового блюда. Желательно, с историей и национальным колоритом. Рецепт согласовывался на семейном совете, в котором Макса принимала самое живое участие. Она важно прохаживалась между ножками стола, шевелила хвостом и двигала ушами.

После того, как меню обеда было определено, Лёня надевал очки для чтения и составлял список продуктов, чтобы пойти в магазин.

– Для джамбалайи³ обязательно возьми зеленый перец! Зеленый! Иначе это будет не джамбалайя, а самый обычный плов, – говорила Лена.

– Вот почему нельзя просто плов приготовить? – ворчал Лёня, но, тем не менее, помечал в списке, что перец надо купить непременно зеленый.

– У нас обед, посвященный американской кухне, – отвечала Лена, – а джамбалайя – главное блюдо Луизианы.

В последнее время семья дочери увеличилась на одного человека. Помимо нее, зятя, внука и внучки на обед стали приглашать еще и внучкиного жениха.

Макса встречала гостей, сидя на трюмо в прихожей. Ждала, пока все разденутся, облачатся в заранее приготовленные тапочки и пригладят перед зеркалом волосы. Затем кошка прыгивала на пол и направлялась в сторону гостиной, где Лёня заканчивал последние приготовления у тщательно сервированного стола.

---

³ Джамбалайя – креольское блюдо на основе риса.

Во время обеда Макса очень любила сидеть на книжном шкафу и сверху наблюдать за процессом. Слушала рассказы про школьные будни внука, планы на будущее внучки и ее жениха. Лёня рассказывал какой-нибудь остроумный анекдот, специально для этого случая вычитанный в журнале. Дочка делилась интересными историями из жизни пациенток своей клиники, которые подчас были любопытнее анекдотов.

– Та самая мадам, вдова газового магната, как раз себе новый нос делала недавно. Она в очередной раз замуж собралась, но не определилась с кандидатом. Надо было выбрать из двух. Так она поехала в Бурятию к какой-то известной шаманке, чтобы та ей помогла определиться.

– И что шаманка сказала? – спрашивала Лена.

– Ни за кого из них замуж не выходить. Им обоим только ее миллиарды нужны.

– Ну, это и без шаманки было понятно, – смеялся Лёня, – стоило ради этого в Бурятию ездить.

В начале мая приезжал из Парижа сын со своими парижанками женой Клоэ и дочерьми Агатой и Анной.

Этот визит требовал более масштабных приготовлений.

Гостиная на две недели превращалась в детскую. Лёня собирал маленькие кроватки, развешивал по стенам обучающие плакаты с изображением животных, небесных светил и транспортных средств. На полу расстилали коврик в виде зеленой полянки с озерами, речками и белыми овечками. Макса лежала там ночью и следила за тем, что снится маленьким парижанкам. Отгоняла от них тревожные сны и пугающих незваных ночных гостей из других миров.

Когда наступали холода, кошка начинала кашлять, несмотря на теплый пол в квартире. Месяцы, проведенные на улице, не прошли для нее совсем бесследно.

Лена вызывала ветеринара, а Лёня колол прописанные им уколы. Макса клала голову хозяину на колени и мужественно терпела необходимую боль. Только бы подольше остаться в этом доме, с этими людьми, в окружении их любви к ней и к друг к другу.

Ангел стал прилетать все чаще. С каждым новым приступом кашля у кошки он все пристальней наблюдал за ней. Главное, не упустить момент и успеть забрать с собой душу, которая числилась в списках его долгов перед властителем.

Ровно девять лет спустя после их первой встречи Ангел чуть слышно вошел в квартиру через вытяжку на кухне. На улице бушевал все тот же беспощадный ноябрьский ветер, от которого оконные стекла слегка позвякивали в рамах.

Макса лежала на подушке рядом с Лёней. Хозяин только что уснул. До этого он гладил кошку по голове и говорил ей какие-то успокаивающие слова, пытаясь усмирить ее беспокойное прерывистое дыхание с хрипами.

Макса посмотрела на Ангела.

– Уже пора? Можно хотя бы до утра подождать и попрощаться? Им же будет очень плохо без меня...

– Это понятно. Расставаться и терять всегда больно и плохо. Но есть судьба и отмеренные каждому сроки.

– Как же они будут тут совсем одни? Без кошки?

Ангел вздохнул. Накануне он имел весьма серьезный разговор с руководством.

– Наворотил ты дел с этой кошкой. Ты, конечно, ее в достойные руки пристроил. Люди хорошие, со стержнем. Кот был им нужен. Вот только им был предназначен кот рыжей масти мужского пола. А ты самопроизвольно произвел замену и подsunул им свою черно-белую кошку.

– Был там у Нелли рыжий котенок. Чингачгук, – вспомнил Ангел, – может, его найти и отдать Лёне с Леной.

– Ты вообще в своем уме? – возмутился руководитель, – он давно уже превратился в рыжего кота сногшибательной наружности. Его через два дня после твоего вмешательства забрала художница Маремьяна Смирнова. Слышал же про такую? Она с этого кота картины пишет и выставляет их по всему миру. Ты что же хочешь еще и в развитие современного искусства вмешаться?!

Ангел про художницу Маремьяну Смирнову ничего не слышал, но в искусство вмешиваться никак не хотел и беспомощно развел крыльями:

– Что же теперь делать?

– Срочно искать другого рыжего кота. И сделать так, чтобы Лена с Лёней его взяли. После того как ты заберешь у них черно-белую кошку.

Макса ушла утром, едва лишь скудный осенний рассвет сменил непроглядную ночь. Сидя у Ангела за пазухой, она смотрела, как где-то уже очень далеко внизу плакал Лёня. Плакал второй раз в жизни. Лена растерянно смотрела на мужа и гладила пушистое кошачье тельце, из которого только что отлетела душа.

– Я же смогу всегда их видеть оттуда? – спросила Макса у Ангела.

– Сможешь. Ты даже сможешь приходить к ним во сне, когда захочешь.

Никто не смел предлагать Лене с Лёней взять новую кошку. Многочисленная семья дочери и сына в Париже переживала горе и боль от ухода Максы вместе с родителями.

На Рождество Лена как всегда поехала навестить сына во Францию. Везла подарки. Внучкам – книги сказок на русском языке, невестке – серебряный кулон, а сыну – собственноручно связанный шарф.

В этом году праздновать Рождество решили вместе с родителями Клоэ в Шербуре.

Ели жареных перепелов и пили молодое божоле. Агата и Анна бегали наперегонки по извилистым бесконечным коридорам старинного дома, где на стенах еще висели подсвечники с огарками вековых свечей. Лена листала альбом с гравюрами и слушала, как папа Клоэ играет Гайдна на скрипке. Думала, как там Лёня. Муж не любил летать на самолетах. К сыну во Францию Лена путешествовала одна. Раньше Лёня спокойно ждал ее в компании Максы. Теперь же он оставался совсем один в квартире.

Лене постелили в одной из гостевых комнат большого дома. Дали целых два теплых одеяла. По ночам в старинных французских домах обычно прохладно. Спать предстояло в одежде и в шерстяных носках. Но, несмотря на пижаму с начесом, два одеяла и гетры до колен, уснуть Лене долго не удавалось. Было холодно и тревожно за Лёню.

В конце концов, она заснула, натянув оба одеяла по самый нос. Ночью вдруг стало тепло от того, что рядом прямо под левым боком шевелилось и мурчало что-то горячее и пушистое.

Лена проснулась и включила тусклый ночник. Рядом с ней на кровати лежал большой рыжий кот. Он положил голову Лене на подушку и старательно тархтел какую-то кошачью мелодию прямо ей в ухо. Лена села, чтобы лучше разглядеть пришельца. Рыжий окрас яичного оттенка перемежался огненно-красными полосками. На груди – белая манишка, похожая на кружевное жабо. Глаза зеленые и серьезные.

– Откуда ты взялся? – спросила Лена, – и как тебя зовут?

Ангел в это время устроился в выступе эркерного окна так, чтобы Лена его не заметила, а кот бы прекрасно видел и слышал.

– Жан-Реми, – обратился Ангел к коту, старательно грассируя французское кошачье имя, – это очень хорошая мадам. Месье у нее дома не хуже. Будешь жить у них и как сыр в масле кататься. Поедешь с ней в Россию?

– В Россию? – испугался рыжий кот, – как же я замок оставлю? Я тут приставлен за мышами следить, чтобы они не распоясались окончательно. Наша семья служит в Шербуре еще со времен Третьей республики. Мой прапрадед тут мышей ловил. Дед крыс душил. Отец мне завещал грызунов в страхе держать. Моя старенькая мама с младшей дочкой до сих пор живут в магазине «Шербурские зонтики». Как же я их брошу? И вообще, я француз, а в России по улицам медведи ходят.

Пусть мадам с месье лучше сами в замок переезжают. Я буду им песни мурлыкать из репертуара Азнавура и по ночам грелкой служить.

Мой прадед, кстати, наблюдал за съемками «Шербурских зонтиков», сидел на коленях у Катрин Денёв, а его мяуканье навяло Мишелю Леграну знаменитую мелодию...

Ангел понял, что этот план провалился. Рыжего кота из замка никак не телепортировать в квартиру Лены и Лёни. Оставалась всего неделя на поиски. Если он не найдет никого рыжего, прощай, служба в Четвертом Департаменте. Разжалуют в швейцары на райских вратах.

Он снова вернулся в холодный город со штормовыми ветрами и принялся бесцельно летать по улицам, ища рыжего кота.

К концу третьего дня утомительных поисков он увидел в подвале одного из бывших дворянских особняков рыжего котенка подходящей наружности.

Происхождение у котенка было самое простое. Мать – полосатая магазинная кошка Муся, а отец – рыжий лихой красавец из соседнего двора. Владельцы магазина выгнали ненужных котят подальше от своей территории, наглухо заварив входы в собственный подвал.

Рыжий котенок не помнил ни своих братьев, ни то, как он оказался во дворе красивого дома с колоннами.

Посреди двора кто-то ставил периодически миску с едой. Грелся котенок на трубах в старом подвале. Вход в него пока никто не закрывал. Котенку не хватало компании для игр. Он развлекал себя тем, что гонялся за куском старой пакли, которую сквозняк разносил по подвалу.

– Подходящий вариант, – подумал Ангел, – вот только как завлечь сюда Лену с Лёней? Что это за дом вообще?

Ангел прочитал вывеску на фасаде. В бывшем жилище какого-то графа сейчас располагался бизнес-центр. Агентство по подбору персонала, пункт выдачи заказов интернет-магазина, курсы иностранных языков, косметологическая клиника...

Это же клиника дочери Лены и Лёни! Ангел начал лихорадочно перебирать все возможные варианты. Во двор выходят сотрудники офисов, исключительно чтобы покурить. Дочь хозяев Максы не курит и во двор вряд ли попадет. Значит, надо сделать так, чтобы котенок проник в здание, на четвертый этаж, в кабинет директора клиники.

– Привет, – сказал Ангел, обращаясь к котенку.

– Здравсти, – ответил котенок, завидев сидящего на старой трубе Ангела, – зачем пожаловал? Я к вам пока не собираюсь.

– Тебя пока у нас и не примут, – парировал Ангел, – такие живые, активные и веселые на земле нужнее. Я по другому вопросу. Ты домой к хорошим людям хочешь?

– Кто же не хочет? – котенок вальяжно разлегся посреди подвала, выставив на обозрение Ангела рыжее брюшко.

– Знаешь директора косметологической клиники?

– Конечно, знаю! Барышня видная. Только у нее уже есть две кошки, попугай и черепаха в аквариуме. Да и в подвал она не заглядывает.

– Я тебе не к ней домой предлагаю переехать, а к ее родителям. Достоянейшие люди. Инженеры на пенсии. Имеют родственников в Париже.

– Неплохой вариант, – одобрил котенок, – что делать надо?

– Во что бы то ни стало пробраться в кабинет директора. Запрыгнуть на стол. Очаровать. Она сразу же позвонит своим родителям и предложит тебя забрать.

– План хороший. А в здание как войти? Там железная дверь и домофон. Просто так никто не открывает.

– Я все рассчитал, – ответил Ангел, – в пятницу на прием в клинику придет владелец мясокомбината. Женщина весомых достоинств под центнер весом. На липосакцию будет записываться. Она особа малоповоротливая и в дверь будет проходить минуты три. Тут-то ты и проскочишь. Дальше бегом на четвертый этаж, там прямо по коридору вторая дверь слева.

– Понял, – сказал котенок и принялся разминать длинные лапы с непомерно большими подушечками. Надо было подготовиться к предстоящим маневрам, – до пятницы!

Макса сидела на большом пушистом облаке и смотрела сверху на Ангела с котенком. Совсем недавно она также сидела на большом книжном шкафу и наблюдала за ходом веселого семейного обеда с джамбалайей.

– Он же дикий совсем, – подумала кошка, – с правилами поведения в доме не знаком. Про лоток с когтеточкой ничего не знает.

– Это решаемо, – Ангел услышал мысли Максы и ответил, – завтра я на пару часов перенесу тебя в подвал и ты ему все объяснишь. Проведешь курс молодого бойца, в смысле, молодого кота.

– Разве тебе можно возвращать меня опять на землю?

– Нельзя, – вздохнул Ангел, – но я из-за тебя уже столько всего нарушил, что еще одно маленькое неповиновение правилами не сильно испортит мою и без того испорченную репутацию.

В четверг Ангел аккуратно снял Максу с облака и принес в подвал бывшего графского особняка. Рыжий котенок с готовностью ждал на трубе.

– Итак, слушай, – начала черно-белая кошка, усевшись напротив, – в квартире три комнаты, имеется лоджия с цветами. Их есть нельзя. Копать землю в горшках тоже не стоит. Для этих дел в ванной стоит лоток. Что такое лоток, слышал?

На следующий день в половине одиннадцатого утра тучная женщина в красном пальто с песцовым воротником открыла парадную дверь. Котенок уже почти час отирался рядом. Он напружинил передние лапы, оттолкнулся задними и, подобно ракете, влетел в подъезд. В считанные секунды, набрав ускорение, рыжий котенок преодолел все четыре этажа и ворвался в клинику.

Директор сидела за столом в своем кабинете и разговаривала по телефону. Когда нечто маленькое, с длинными лапами и хвостом, похожим на огненную комету, приземлилось прямо на историю болезни владельца мясокомбината, она от неожиданности выронила телефонную трубку из рук.

– Что случилось? – прокричала Лена на другом конце провода, услышав грохот и стук.

– Мама, тут котенка рыжего принесло, – ошарашено ответила директор, – вам с папой надо?

Вечером того же дня бывший рыжий житель двора и подвала графского особняка был доставлен в квартиру Лены и Лёни.

– На маленького льва похож! – воскликнула Лена, принимая котенка из рук дочери.

– Пойдем, лоток покажу, – Лёня почесал за ухом нового члена семьи.

– Знаю я все и про лоток ваш, и про цветы с когтеточкой, – подумал котенок, осматриваясь по сторонам. Квартирка неплохая, только дизайн немного устарел. Надо будет слегка подправить рисунок на обоях при помощи когтей и на шторах бахрому пустить по низу...

– Не хулигань! – хором пригрозили Макса и Ангел откуда-то сверху.

– Ладно, ладно, – поспешил согласиться котенок, – я же вижу, семья хорошая, люди приличные. Буду соответствовать.

– Он во дворе у нас жил, – рассказывала дочка, стягивая сапоги и надевая приготовленные Леной тапочки.

– Значит, назовем его Дворжак, – изрек Лёня.

– В честь композитора? – спросила дочь.

– В честь исторической родины. Двора, то есть, – засмеялась Лена и пошла убирать с открытых полок стеклянную посуду и глиняные сувениры. Рыжая наружность Дворжака явно не обещала им спокойной жизни в обозримом будущем.

А знаете ли вы, что...

Согласно иудейской легенде, Ной молился Богу, прося защитить пищу на ковчеге от крыс. В ответ на это Бог заставил льва чихнуть, и из него выскочил кот.

Бабай

Бывает такое, что очень хочется чего-то, так, что аж в носу свербит и в животе покалывает? Когда ни о чем другом не думается, везде видятся знаки, так или иначе связанные с объектом желания, а разговоры с кем угодно о чем угодно все равно сводятся к разговорам о том самом. Психиатры именуют сие состояние навязчивой идеей. Рекомендуют не запускать его и корректировать в зависимости от степени навязчивости.

Примерно так три с половиной года назад я вдруг захотела завести кота.

Необъяснимое и абсолютно лишённое логического обоснования желание вселилось в меня прямо в разгар туристического сезона.

Поясню для тех, с кем мы пока не знакомы. Всю свою сознательную трудовую жизнь с момента достижения совершеннолетия я тружусь в сфере въездного туризма. Принимаю в родном городе туристов из стран, где много диких обезьян и люди круглый год ходят по океанским набережным в белых штанах.

Работа моя имеет сезонный характер. Зимой и поздней осенью я греюсь на заморских песчаных пляжах, сплю по десять часов, примеряю на себя образ примерной домохозяйки или же реализую многочисленные творческие амбиции. Потому как теплолюбивые туристы, доны Педро из Бразилии и Хуаны с Марианнами из Аргентины зимой в Россию не приезжают. Если и приезжают, то в очень скудном количестве и в виде исключения. Времени свободного у меня образуется целая куча. Хоть ложкой ешь.

В период же с мая по октябрь жизнь моя напоминает бешеную гонку с препятствиями, водевилем, вестерном, комедию с драмой и битву при Ватерлоо.

Неотъемлемой частью жизни становятся ежедневные подъемы в пять часов утра, встречи с десятками новых людей каждый день, необходимость ослепительно улыбаться и не менее ослепительно выглядеть при любой погоде и самочувствии. Гигабайты новой информации, тысячи новых иностранных слов, сотни труднопроизносимых имен, названий и терминов теснились в моей голове.

Туристов в тот год было много, и они были разными. Любопытными и равнодушными, щедрыми и скардными, молодыми и возрастными.

Каждого я старалась просветить, удивить и по возможности сделать счастливым.

Я рассказывала им о России и русских, показывала дворцы, где жили цари и царицы, учила пить русскую водку и получать наслаждение от борща со сметаной и корюшки.

Работать в сезон приходится порой по двадцать пять часов в сутки восемь дней в неделю. Каждый день я отдавала незнакомым ранее людям частичку себя, делилась тем, что знаю и люблю.

Но в какой-то момент того года я вдруг поняла, что меня самой в моей оболочке осталось крайне мало. Улыбаясь по многу часов туристам во время экскурсий по парадным залам Зимнего Дворца, я разучилась улыбаться самой себе. Даря радость другим, я почти полностью разрядила все свои внутренние батарейки.

Осознание этого пришло в конце июня, накануне празднования Алых Парусов, летнего солнцестояния и прогулок под разведенными мостами во время самой короткой ночи в году.

Я чувствовала, что очень устала, но до воледеленного отпуска была еще как до Луны пешком. Надо было восполнить потерянную энергию и запастись живительной силой еще на три месяца как минимум.

Не вспомню сейчас, что навело меня на мысль о коте, как об источнике постоянной энергии и ежесекундного синтеза добра. Помню только, что мысль о коте из случайной трансформировалась в навязчивую чрезвычайно быстро и естественно.

Кот был мне просто необходим. Как воздух, как вода, как недостающий орган тела. О своем желании я заявляла всем и каждому, вопрошая жалобно, а не отдает ли кто котеночка.

Параллельно я просматривала сайты зоозащитных организаций. Тогда это было мое самое первое знакомство с жизнью волонтеров, приютов и благотворительных фондов. Приоткрыв дверь в эту часть реальности, я уже не смогла ее закрыть. Мою неподготовленную душу обжигали правдивые короткие истории.

Это были непридуманные истории домашних котиков и кошек, в один момент вдруг ставшими ненужными и неудобными. Вот черный кот по имени Новосёл. Имя свое получил в приюте. Хозяева переехали на новую квартиру, а кота из старой забирать не стали. Сдали в приют за ненадобностью. Как старое неудобное кресло или настенный ковер, которым не нашлось места в новом интерьере. Люди решили стать новоселами без кота.

Вот кошка Буся. Четыре года, британской породы. Хозяйка умерла, а родственникам кошка оказалась не нужна.

Было на сайтах великое множество объявлений про котят от домашних кошек, родившихся вопреки желаниям хозяев.

Я решила, что у котят шансов обрести семью гораздо больше, нежели у взрослых котиков и кошек. Конкретизировала желание и начала искать именно взрослого кота.

Знакомая знакомых дала телефон одной из Котофей.

Котофеями именуют себя девушки и женщины, вполне в жизни состоявшиеся и природой не обиженные. Какую-то часть своей жизни они работают на привычных работах, одеваются согласно моде и погоде. Любят и оберегают своих мужей, детей и матерей.

Отличает котофей от всех прочих то, что все свое свободное время и средства они отдают тем, кто больше никому не нужен. Брошенным котам и выброшенным на обочину цивилизации кошкам. Котофеи открывают приюты, спасают серьезно больных и безнадежных котиков ценой невероятных усилий, собранных всем миром денег и бессонных ночей. Они верят, что у каждого живого существа, в чьем хрупком и истерзанном теле теплится душа, есть шанс на жизнь, на лучшую долю и на человеческую любовь.

Телефон был записан у меня в ежедневнике, аккуратно рядом с программой новой группы туристов из Португалии.

Группу надлежало встретить, поселить в отеле и сопроводить на приветственный ужин.

Ничего сложного и утомительного, решила я. Вот расскажу сеньоров и сеньор за столики, расскажу, чем оливье от винегрета отличается, и позвоню по телефону. Узнаю, как и когда можно поехать кота выбирать.

Однако вечер оказался не слишком спокойным, а работа с группой благонадежных португальских сеньоров перестала казаться легкой.

Сопровождал группу из самой Португалии местный тур-лидер. Так называлась должность человека, прикрепленного к туристам от португальской фирмы, которая продала тур в Россию. Турлидеру надлежит следить, чтобы все, за что турист заплатил в Португалии, было выполнено в полном объеме согласно контракту. Еще турлидер должен исполнять всяческие бытовые капризы туристов, вроде покупки особого типа минеральной воды для сеньоры Маргариды или починки очков для сеньора Жуау.

Обычно иностранный турлидер и местный гид-переводчик прекрасно взаимодействуют, работают в тандеме на благо туристов, а в свободное время мило беседуют за бокалом крымского вина.

Но бывают случаи, когда турлидер видит в местном гиде заклятого врага, конкурента и представителя враждебной державы. Еще до прибытия в Россию такой деятель делает все, чтобы убедить туристов в том, что Россия – страна дикарей и бандитов, где иностранца на каждом шагу подстерегают подвохи и опасности.

Мне попался как раз такой. Представителя португальской турфирмы звали Родриго. Был он красив, как средиземноморский Аполлон. Жгучий брюнет с карими глазами и ресницами, длине и густоте которых позавидовала бы любая красotka женского пола. Носил Родриго белоснежные рубашки и улыбался, выставляя напоказ идеально выбеленные хорошей генетикой зубы.

Вот только имел Родриго наипротивнейший характер и натуру интригана. Он во что бы то ни стало стремился поссорить меня с туристами, моим начальством и начальством португальской фирмы. Каждую секунду Родриго напоминал мне, что я ничего не делаю, работа моя ничего не стоит и туристический бизнес в России не организован совершенно.

Таким образом турлидер стремился поднять собственный рейтинг в глазах туристов из группы. Способ верный, ничего не скажешь. Возвыситься в чужих глазах за счет уничижения ближнего.

– Почему ты не разрешила туристам сфотографироваться группой на траве?

– У нас нельзя по газонам ходить. Таблички везде висят. Трава в наших широтах сама не растет на газонах, ее специально сажают. Вот мы и не топчем...

– Дикая страна! Трава не растет! Сеньоры, не слушайте ее, топчите, сколько хотите!

– Почему водитель нашего автобуса не говорит ни на каком иностранном языке и не понимает меня?

– Потому что в обязанности водителя входит безопасная езда и обеспечение комфорта пассажиров. А переводчик здесь я. Обращайтесь, если надо. Переведу вашу просьбу водителю.

– Почему в меню ресторана нет элементарного салата капрезе и лазаньи?

– Потому что это ресторан русской кухни, а капрезе и лазанья – блюда итальянской кухни.

– Ты еще мне дерзить будешь? Я без тебя знаю, что такое лазанья и где ее едят!

За три дня Родриго сделал все возможное, чтобы вывести меня из равновесия. Но я держалась. До последнего улыбалась туристам, заливалась соловьем про красоты Екатерининского парка и роскошь балов во времена царицы Елизаветы. Веселила португальцев русскими народными сказками про Емелю и Царевну-Лягушку.

Туристы были мной довольны и требовали историй на бис. Родриго это сильно злило. Он усилил агрессивную стратегию, разбавляя каждую обращенную ко мне фразу циничными и саркастическими комментариями.

Проводив окончательно группу на поезд до Москвы, я, наконец, дала волю всем накопившимся во мне эмоциям. Стояла посреди вокзала и горько оплакивала свою тяжкую долю. Почему нужно улыбаться, когда хочется захватить противному португальскому турлидеру по его наглой португальской физиономии? Почему клиент всегда прав, даже если он ни разу и нигде не прав? Почему?

Продолжая плакать, я открыла ежедневник, чтобы посмотреть, когда у меня следующая группа. Увидела номер, по которому так и не позвонила.

Решительно достала из кармана телефон.

– Здравствуйте, мне сказали, у вас можно кота взять.

Девушка на другом конце строго поинтересовалась, были ли у меня ранее кошки, стоят ли на окнах в квартире защитные сетки и есть ли у меня средства кормить кота хорошим кормом.

– Кого бы вы хотели, кота или кошку?

– Кота...

После пристрастных расспросов моя кандидатура потенциального владельца кота была одобрена.

Нам предложили на выбор – маленького рыжего котенка или подростка-полосатика, чудом выжившего на конюшне в Пушкине и получившего имя Скакун. Вариант с рыжим отверг муж: рыжие – они хитрые! Он нас перехитрит, и будем всю жизнь плясать под его дудку.

Уже по фото на сайте приюта я поняла, что полосатик с кисточками на ушах – это наш кот. Он родился на конюшне у своей беспечной полосатой мамы для того, чтобы стать нашим. Все остальные его братья и сестры погибли в раннем детстве под копытами лошадей, а он выжил. Потому что был очень мне нужен. В те дни, когда я из последних сил сносила придирки вредного турлидера, полосатик боролся за жизнь и ждал меня.

Забирать кота можно было лишь через три дня – его как раз кастрировали, и ему нужно было пройти период реабилитации. Все эти долгие три дня я носила фото полосатика в планшете, бесконечное количество раз их просматривала и боялась, как бы такое счастье не отдали кому-нибудь другому.

В четверг после тяжелейшего рабочего дня и сдачи отчета по группе в фирму, я поехала на другой конец города за нашим котом.

Мне было абсолютно неважно, что время было позднее. Завтра снова предстоял ранний подъем на работу с очередной группой. На мне было надето узкое голубое платье и босоножки на высоких каблуках. Наряд не слишком подходящий для поездок за котами.

– Может, до выходных подождем? – робко предложил муж.

– Если ты не хочешь меня везти, я поеду сама! Одна! На метро с котом в переноске! – пригрозила я.

Вид у меня был решительный и к компромиссам не располагал.

– Поехали, – смиренно согласился муж.

Вечерние пробки, неработающие светофоры и раскаленный асфальт, в конце концов, закончились. Мы приехали к одному из пятиэтажных домов, добротного построенного еще в семидесятые. Оставив мужа ждать в машине, я взбежала на четвертый этаж. На плече болталась только что купленная переноска. В багажнике лежал пакет из зоомагазина с миской, розовым лотком и еще чем-то жизненно важным, как мне казалось.

Будущий наш кот жил на передержке у молодой энергичной девушки по имени Марина.

Еще раз поясню для не совсем посвященных. Передержкой называют временное пристанище в человеческом жилище найденных или брошенных животных. Это некое промежуточное звено между приютом и постоянным домом. На передержках живут коты или кошки, которым нужно еще учиться жить рядом с человеком. Или же те, кто для приюта слишком хороши. Думаю, что последнее – как раз про нашего кота.

Довольно часто люди, берущие животных на временную передержку, потом не желают с ними расставаться и из временных опекунов переходят в статус постоянных хозяев.

Мне казалось, что Марина очень хотела оставить кота себе. Она не спешила отдавать его, тянула время, предлагала покидать коту мячик, игрушку, мышку...

Я кидала, а полосатик с кисточками послушно приносил мне тряпочную мышь и аккуратно укладывал у моих ног. Он был такой же, как на фото. Меня он не боялся, как будто давно знал и ждал. Я тоже его знала, ждала и искала. Мне не терпелось забрать его домой, где было его место.

Нам не было сложно, страшно или как-то непривычно, когда в доме появился кот. Наша жизнь стала полной, сложился окончательный пазл счастливой картины домашнего очага и дома, в котором есть душа и куда хотелось возвращаться.

Кот привык к нам быстро, уже на следующий день был наречен Бабаем. Про историю имени, ежели интересно, могу поведать в другом рассказе.

У меня появился самый искренний друг и собеседник. Бабай чувствует мое настроение и малейшие его колебания. Когда меня душевно изматывают вредные клиенты и дома я могу лишь неподвижно смотреть в одну точку, кот приходит ко мне на колени, тыкает мордочкой в мой подбородок и многозначительно мурчит. И я понимаю, что важнее всего погода в доме, все остальное суета. А дом – это там, где твой кот.

Если я болею, мой кот ложится рядом, упирается в меня четырьмя лапками и всеми своими кошачьими силами вытягивает из меня болезнь. Он мой соавтор и бессменный литературный консультант. Во время работы на компьютере на моей левой руке лежат семь килограмм пушистого счастья, а клавиша CapsLock периодически активизируется, когда Бабаю захочется перевернуться с левого бочка на правый.

Я перестала задерживаться после работы, чтобы поболтать с подружками, знаю, что Бабай дома спит на кровати, на моей подушке, чтобы быстрее прошло время в томительном

ожидании хозяев. Когда я поднимаюсь на шестой этаж, уже в районе третьего слышу, как нетерпеливо он скребет дверь, безошибочно распознав стук хозяйкиных каблучков.

Мы с мужем отказались от идеи отмечать Новый Год вне дома – Бабай ни разу не ночевал один. Ему Новый Год очень нравится. Бабай получает целый пакетик корма и может всю ночь носиться, бегать и играть с неспящими хозяевами. Мы сократили количество совместных отпусков до одного в год. Бабай в это время находится у моих родителей. В нашем доме исчезли ковры и коврики, мы пересмотрели отношение к черной одежде. Мы не открываем окна в самую жару, если Бабай вдруг начинает чихать – сказываются последствия тяжелого детства на конюшне.

Но мы не жалеем. Ибо взамен мы получили Любовь. Любовь абсолютную и безусловную. Любовь существа, для которого мы – это весь мир. Любовь просто за сам факт нашего существования. Любовь, на которую едва ли способен человек.

А знаете ли вы, что...

В посольстве Голландии в Москве сотрудники заметили, что двое сиамских кошек время от времени начинали мяукать и царапать стены здания. Их владельцы, наконец, решили выяснить, в чем дело, думая, что найдут мышей. Вместо этого они обнаружили скрытые в стенах микрофоны русских шпионов. Кошки слышали микрофоны, когда они были включены.

Про Бабая Первого

Бабай/бабайка (от тат. *бабай* – дед, старик) – в славянском фольклоре ночной дух, вообразимое существо, упоминаемое родителями, чтобы запугать непослушных детей.

Нашего хвостатого члена семьи зовут Бабай. Честно говоря, напугать им нельзя даже мышь. Разве что – игрушечную, которую мы ему кидаем, а он с удовольствием готов приносить обратно нам бесконечное количество раз. Живых мышей наш кот ни разу не встречал. Разве что во время недолгих месяцев трудного детства на конюшне, где его нашли волонтеры приюта. Но я надеюсь, что память о том нелегком периоде навсегда стерлась из пушистой головы Бабая, увенчанной ушками с кисточками. Мы, во всяком случае, делаем все для этого возможное.

Итак, почему же все-таки его зовут Бабай? Строго говоря, его полное имя Бабай Второй. Назван он так в честь героического кота Бабая Первого. С ним я лично знакома не была. Даже фотографии того кота не осталось. Однако история его занимает почетное место среди преданий семьи моего мужа.

Дело было на заре девяностых в одном из многочисленных городков одного из не менее многочисленных регионов нашей необъятной страны. Не было тогда там ни благотворительных зоозащитных организаций, ни великого разнообразия кошачьих кормов, ни даже ветеринарных клиник. Социальных сетей и интернета, где люди сейчас всем миром собирают на помощь несчастным котейкам, тоже не было. Но всегда и везде у нас были люди с большим сердцем и настоящей, достойной человека, душой. Они и в не самые сытые девяностые находили силы и ресурсы помочь самым беззащитным, всецело зависящим от воли человека существам.

Одним дождливым и холодным днем, когда и без того плохие дороги в городке размыло до состояния непроходимой каши, брат моего мужа Рома ждал автобус на остановке. Автобусы подъезжали, люди входили и выходили. Наконец, подошел нужный номер, и Рома влез в плотно утрамбованный салон. Напоследок зачем-то глянул на остановку. Сквозь немытое автобусное стекло он заметил нечто серое, пушистое, ползущее в сторону людского потока. За собой оно оставляло кровавый след. Приглядевшись, Рома понял, что это кот. Раненый, не способный подняться на лапы и из последних сил тянущийся за помощью к людям. Никто не обращал на него внимания. Люди входили и выходили из своих автобусов. Ехали дальше по своим делам, погрузившись в собственные мысли.

Вскоре остановка скрылась из виду, автобус завернул за поворот. Картинка с раненым котом прочно стояла перед Ромиными глазами. Он вышел на следующей остановке и пошел обратно по непролазной грязи. Остановки в городке были длинные – по несколько километров. Не было у бюджета средств строить остановочные пункты на каждом шагу.

Сначала Рома заскочил домой, взял какую-то сумку и большую тряпку. Дошел до остановки. Кот по-прежнему был там. Он уже никуда не полз, а просто лежал под обшарпанной лавкой, отчаявшись и покоровившись судьбе. Рома завернул его в тряпку, бережно положил в сумку и отнес домой.

Про ветеринарные клиники для кошек, какие-то специальные препараты никто и не слышал. Страна только вставала из руин, каждый выживал, как умел. Не до кошек было населению.

Коту промыли раны. Судя по всему, его выкинули на ходу из машины. Или выкинули прямо под колеса. Или он сам попал под колеса. Теперь уже не узнать. По-видимому, у него были сломаны задние лапы и ушиблен позвоночник. Обработали раны подручными медицинскими средствами и уложили кота в коробку из-под бананов. Поставили мисочку с водой. Сутки кот просто лежал. На вторые сутки попил воды и начал смотреть в узкую прорезь в

стенке коробки. Напоминал при этом внимательного танкиста, обзирающего окрестности сквозь окошечко собственного танка.

Еще через несколько дней он предпринял попытки покинуть пределы коробки. Переломанные лапы к этому времени каким-то чудом срослись. Что этому способствовало, не знаю. Может, действительно, чудо, а может, великая сила любви, добра и милосердия.

Срослись лапы не совсем правильно, приняли форму буквы Х. Позвоночник тоже приобрел некие волнистые очертания. Но это ничуть не помешало коту тут же занять лидирующие позиции в доме, обследовать все его потаенные уголки и показать, кто теперь тут хозяин. Назвали его Бабай.

Бабай ничуть не комплексовал из-за особенностей походки. При ходьбе он напоминал исследовательский луноход, бороздящий просторы спутника земли. Кривые задние лапки несколько не влияли на скорость передвижения. Попробуй поймай его, когда он, утащив кусок мяса из кастрюли с супом, стремительно улепетывал в укрытие! Оставалось только восхищенно присвистывать, есть пустой суп и впредь плотно закрывать кастрюлю крышкой.

В доме были другие животные. Коты и собаки. У каждого из них была своя исполнительная функция. Одна кошка ловила мышей, другая крыс. Собака охраняла дом. Бабай же не снисходил до служебных обязанностей. Его роль была царская. Кошки и собака уважали его. К приему пищи приступали лишь с позволения его величества. Чем тогда кормили животных? Какой-то кашей на каком-то мясном отваре. Ели все из одной миски, дружно и соблюдая иерархию.

Покушать Бабай любил. Это была его главная страсть. Как-то, не устояв перед искушением упоительного запаха кастрюли с остывающей мясной кашей, Бабай влез в самое жерло посуды. Уселся в теплую кашу, огляделся и начал выедать содержимое кастрюли строго по кругу, от центра по радиусу.

Когда хозяева вернулись домой, то обнаружили кастрюлю с аккуратно выеденным кругом каши посередине и лежащего в этом круге Бабая. Объевшись, он был не в силах покинуть место преступления и заснул в окружении остатков каши. Опасались, как бы не случился у него заворот кишок. Но все обошлось.

На взгляд постороннего Бабай мог показаться страшилкой, достойным для запугивания детей. Серый, пушистый с кривыми лапами, неправильным позвоночником и нетипичной походкой. Но для семьи моего мужа он на долгие годы оставался неиссякаемым источником энергии, позитива, юмора и оптимизма, так необходимых в то сложное для страны время. Его ежедневные проделки могли рассмешить самого угрюмого, а неугасаемая любовь к жизни могла вдохновить самого неисправимого пессимиста.

Бабай был ласков и любил всех членов семьи.

Однако Рому любил больше всех, помня, что именно он спас его и подарил второй шанс на жизнь.

Бабай состарился, у него выпала часть зубов. Кто-то из соседских котов наградил его блошками, которых тот безуспешно пытался поймать беззубым ртом. Блохи кусали Бабая, он вылизывал ранки от покусываний, вызывая нешуточное раздражение на коже.

На семейном совете было принято решение Бабая постричь, выкупать и обработать раны. Он повиновался и стойчески вынес унизительную процедуру стрижки под ноль.

Когда земной путь Бабая был завершен, он ушел. Про великих и достойных не говорят – умер или скончался. Великие просто уходят. Бабай ушел в буквальном смысле. Спустя много лет после своего появления в доме однажды он исчез. Ушел умирать, не желая огорчать видимым фактом своей смерти тех, кто его спас и любил. И кого любил он.

Коты приходят в нашу жизнь неожиданно и также неожиданно из нее уходят. Возможно, слабым утешением от горя утраты станет тот факт, что у кошки, на самом деле, девять жизней. И когда-нибудь душа нашего хвостатого любимца поселится в новом пушистом облике.

Спустя двадцать лет уже в нашей с мужем семье появилось полосатое чудо. С безапелляционным заявлением мужа: «Он будет – Бабай!» – мне оставалось только согласиться.

Иногда нам кажется, что наш Бабай поразительно напоминает того далекого Бабая Первого. Такой же разговорчивый, ласковый и веселый. Может, про девять жизней и переселение кошачьих душ – это правда?

Почему все же того кота, чье фото не сохранилось, назвали Бабаем? Четкого объяснения нет. Да и какая разница? Ведь не имя делает кота, а кот имя!

А знаете ли вы, что...

В древнем Египте, когда домашняя кошка умирала, члены семьи брили брови и оплакивали ее. Они также проводили похороны, в течение которых пили вино и били себя в грудь. Кошку бальзамировали и помещали в семейной гробнице или на кладбище для животных с крошечными мумиями мышей.

Контрабанда кошек из древнего Египта каралась смертной казнью. В египетской могиле возрастом около 4400 лет нашли рисунок кошки в ошейнике. Это древнейшее известное изображение одомашненной кошки.

Том, или Первому коту посвящается

Через нашу жизнь проходят порой по несколько котов и кошек. Параллельно, а иногда последовательно. Как бы горько ни было, но век кошачий короче человеческого. Любимые уходят, пройдя свой земной путь. Наша же жизнь продолжается и, преодолевая боль утраты, понимая неизбежность законов природы, мы, в конце концов, решаемся и заводим следующего питомца. Сознательно и бессознательно мы стремимся, чтобы новый усадый и хвостатый член семьи был хоть чем-то похож на того, предыдущего, горячо любимого, чье фото в рамочке стоит на комодe.

Говорят, что первая любовь не ржавеет и не стареет. «Мы в жизни любим только раз, А после ищем лишь похожих»...

Спустя много лет, повзрослев, поменяв фамилию, место жительства, теряя старых друзей и знакомых и приобретая новых, мы едва ли забудем нашего первого домашнего любимца. Не сотрется из памяти первое испытание наших душ заботой о слабом, первая любовь к ближнему, первое чувство ответственности за тех, кого приучили. Не забудется боль от первой настоящей утраты.

Одним из решающих факторов, заставившим меня безошибочно выбрать Бабая, стали его полосочки. Этот типичный «васькин» окрас. Наверное, самый распространенный для кошек и котов от Калининграда до Владивостока.

Такой же был у Тома. Первого в моей жизни кота.

Как и любой нормальный ребенок, едва научившись составлять из слов относительно правильные предложения, я начала просить у родителей котика или собачку. Просила, давя на жалость. Просила, обещая всегда себя хорошо вести и с аппетитом кушать. Но все было напрасно. Мама была категорически против домашних животных. Они, по ее мнению, были постоянным переносчиком самой страшной заразы иместилищем всех ужасных болезней, включая бубонную чуму. В качестве утешения на пять лет мне подарили аквариум с рыбками.

Меня же по-прежнему тянуло к четвероногим. Рискуя навлечь на себя праведный мамин гнев и неделю домашнего ареста, я стремилась погладить каждое встречаемое мной животное, приласкать всех в округе кошек и собак.

Когда мне исполнилось двенадцать, в семье неожиданно появилась собака. Настолько неожиданно, что мама забыла про ряд неизлечимых страшных болезней, которыми собака могла заразить всех и каждого. Собака стала любимой, а мама превратилась в гордую собачницу, выгуливающую на поводке красивого эрдельтерьера.

Отношение к кошкам у мамы оставалось прежним. Они продолжали быть в ее глазах исчадьями ада, ниспосланными на землю, дабы заразить человечество, в лучшем случае, глистами и лишаем. Я же втайне мечтала о настоящей полной семье, где помимо собаки имеется еще и кот.

Прошло еще три года. Мы, как обычно, проводили лето в деревне всей семьей, включая собаку. Она вставала раньше всех, просилась на улицу и, сделав свои ежедневные собачьи дела, предавалась сельским радостям. Каталась по нескошенной траве, грызла палочку и гоняла соседских кур.

В то утро мы неожиданно проснулись около шести утра от лая собаки. Лай был какой-то нетипичный. Монотонный и нескончаемый. Строго выдерживая одну ноту, собака неустанно повторяла: «Гау-гау-гау-гау. Гау-гау-гау-гау».

Спать под такую арию точно было невозможно. Мы вышли во двор. Тут же увидели причину необычного собачьего поведения. Причина сидела на двухметровом заборном столбе и жалобно мяукала.

Это был полосатый котенок, совсем недавно открывший глаза. Худой, грязный, с гноящимися глазками и каким-то неприглядным непотребством под тощим хвостом. Как он очутился у нашего стоящего на отшибе дома и как сумел забраться на высоченный для него столб – загадка и по сей день.

Увидев сие явление, мама побледнела, закричала и тут же приказала папе надеть строительные рукавицы и унести «эту пакость» подальше от жилища. На проселочную дорогу. Мы с братом взмолились. Его же там деревенские злые собаки загрызут! Или трактор раздавит и не заметит. Решено было дождаться бабушку. Она обладала в семье решающим голосом и должна была вот-вот приехать из города.

Бабушка прибыла к обеду. Собака продолжала ту же песню, заняв охотничью стойку у столба с котенком. Скучность собственного репертуара ее не беспокоила.

Бабушка сказала, что ни на какую дорогу котенка нести не надо. Его надо помыть и поселить в дровянике. Может, и хозяйева найдутся.

Мы вооружились строительными рукавицами, резиновыми перчатками, самым непригодным медным тазиком и самым старым куском хозяйственного мыла, выданными грозной мамой. Сняли котенка со столба и понесли купать. Собака к тому времени слегка подустала и отправилась подремать.

Котенка искупали, вытерли и определили во временное убежище. В дровянике среди аккуратно сложенных полениц дров поставили коробку, постелили на дно кусок войлока. В кастрюльку из моего кукольного сервиза положили свежего творога, а в пустую баночку из-под йогурта налили воды. Дровяник закрыли снаружи на замок, чтобы никто не стащил вместе с дровами еще и коробку с чистым котенком. Наступила ночь и все, включая собаку, отправились спать.

На следующее утро стало понятно, что легко сдаваться собака не собиралась. Поняв, что источник вчерашнего волнения находится в дровянике, она встала в наступательную позу и завела привычное «Гау-гау-гау-гау». Осознав, что сам котенок из дровяника не выйдет, собака вспомнила, что является охотничьим норным терьером. Начала рыть подкоп под хранилище дров. Ее упорству можно было позавидовать. К обеду была вырыта яма размером с хороший партизанский окоп. Мы с братом ее закопали обратно. Через день собака вырыла подкоп снова. Мы снова зарыли. Этот сизифов труд продолжался неделю.

Котенок тем временем набирался сил, охотно пил свежее коровье молочко, ел творог и учился самостоятельно выбираться из коробки. Упражнялся в лазании по уложенным доверху дровам.

Наконец, собаке удалось прорваться в дровяник через подземный лаз. Котенок уже ловко умел забираться на самый верх поленицы. Собака глянула на него снизу вверх, поняла, что

тягаться в искусстве лазать ей с этой полосатой мелочью не стоит. В качестве утешения съела кошачью еду из мисочек.

С тех пор я стала ставить еду на дрова, вне досягаемости собаки.

Прошел месяц, решено было дать нашему полосатому котенку имя. Путем нехитрого кидания жребия, было выбрано имя Том.

Том рос, наедал животик. Начал выходить погулять на травку во двор.

Тут и состоялся первый мирный контакт кошки с собакой. Сначала они просто смотрели друг на друга. Затем собака сделала шаг вперед. Том упал на травку и начал кататься прямо перед носом удивленной собаки. Она наклонилась, понюхала его и начала облизывать сначала брюшко Тома, а затем каждый из подставляемых полосатых бочков.

Так начиналась их дружба.

Лето подходило к концу, ночи становились холодными. Было решено переселить Тома из дровяника в дом, в сени. Тем более, что где-то под полом уже с неделю пищала мышь. А мышей мама боялась еще больше кошек.

Том спал возле раковины в сенях в непосредственной близости мисок с собачьей едой. Периодически он забирался на внушительный пень, служащий собаке столом. Прогуливался между необъятных по размеру мисок с собачьей едой и водой. Время от времени отъедал часть чужой пайки строго по краю. Осмелел и делал это уже в присутствии собаки. Она не возражала.

Лето закончилось, мы уехали в город вместе с собакой. Том остался в деревне на весь сентябрь вместе с бабушкой и дядей. Сентябрь был месяц их традиционного господства в деревенском доме. В лесу как раз пошли клюква и брусника. После окончания ягодного сезона дом закрыли на зиму, а Том переехал в городскую бабушкину квартиру. На семейном совете было решено животных поделить. Зимой Том жил у бабушки, а лето проводил с нами. Также он переезжал на школьные каникулы пообщаться с нами и с собакой.

Перемещения Тома по городу происходили преимущественно на метро. Никаких специальных переносок тогда не было. Для транспортировки кота бабушка приспособила добротную корзинку для грибов. Тома чрезвычайно интересовало все, что происходит вокруг. Он ездил в корзинке с гордо поднятой головой, которая была прикрыта предохранительной сеткой-авоськой. Напоминал он при этом почтенного старичка, нахлобучившего перед сном сеточку для волос.

Накануне Нового Года бабушка с дядей привезли нам несколько коробок и корзинок деревенских даров. Замороженную клюкву, сушеные грибы, банки с солеными огурцами... Семь или восемь коробок и корзинок. В одной из корзинок сидел Том, приехавший встретиться с нами зимние праздники.

Поклажу подняли на наш десятый этаж и уже приготовились звонить в дверь. В этот момент откуда-то из темного угла выскочил некто в темной куртке с капюшоном. Схватил первую стоящую к нему корзинку, самую большую и красивую, и пустился с ней прочь по лестнице вниз.

– Отдай котенка! Котенка верни, бандит! Поставь корзинку, не то убью! – кричала бабушка, бросившаяся в погоню за вором по лестнице, забыв про свой артрит.

– Я на лифте на первый этаж! – крикнул дядя, – перехвачу его внизу.

Поняв, что попал в западню, а, может, осознав, что в украденной корзинке был всего лишь полосатый кот, не представлявший особой материальной ценности, вор оставил Тома между седьмым и шестым этажами.

В тот вечер мы все, не в силах сразу отойти от возможного печального исхода событий, по очереди не спускали нашего общего полосатого котика-подростка с колен. Он не возражал.

Характер у Тома был самый что ни есть кошачий. Он сидел на коленях лишь когда сам того хотел. Специально никогда не искал ласки, но против поглаживаний и почесываний не возражал. Свято ценил собственную независимость. Спал в одиночестве на самом настоящем кресле, куда никто, кроме него, не смел садиться. Даже наши дорогие гости.

Середина девяностых была не самым сытым временем, но котик наш должен был питаться отменно. Мы ежемесячно выдавали бабушке прибавку к пенсии для покупки диковинной в ту пору вещи – специальной кошачьей еды. По выходным в любую погоду, повязав выдавший виды пуховый платок и вооружившись сумкой-тележкой, бабушка отправлялась на известный каждому петербуржцу Сенной рынок. Закупив продуктов на неделю, она принималась искать затерянный среди многочисленных лотков, палаток и ларьков единственный на рынке киоск с необычной надписью «Товары для животных».

– Не подскажете, где тут для кошек и для собак питание продают? – спрашивала бабушка у хмурых покупателей товаров первой необходимости.

– Бабка, тут самим скоро жрать будет нечего, а ты для кошек и собак еду покупаешь! – как-то отчитал бабушку продавец ножек Буша.

Том вырос и превратился в крупного полосатого кота роскошной наружности. Он по-прежнему гостил у нас на каникулах, воспринимая нашу квартиру как одну из своих многочисленных царских резиденций.

Время шло, и с нами жила уже другая собака. Ей Том живо объяснил, кто главный и каково ее место в жизни. Подошел и со всего размаху вlepил когтистой лапой по немаленькому собачьему носу. Собака расстановку сил поняла и в присутствии Тома ходила по стеночке, поджав хвост.

Однажды не стало и нашей бабушки. Том превратился для мамы в самую главную бабушкину память, ее любимца, выжившего благодаря ее воле. Она попросила дядю отдать нам кота навсегда. Но дядя, к тому времени женившийся и обзаведшийся ребенком, Тома отдавать категорически не желал. Жена и ребенок были солидарны и готовы были отстаивать права на кота до последнего. В семье назревали нешуточные, шекспировские страсти.

Договорились увеличить пребывание Тома в нашем доме.

Старел Том красиво. Благородный характер его не испортился, роскошная полосатая шубка не потускнела. Вот только иногда все-таки сказывались без малого семнадцать прожитых лет.

В последний год своей жизни он вдруг перестал посещать собственный лоток. Мы удивились, ибо с туалетом у кота никогда проблем не было. В доме бабушки он даже пользовался человеческим унитазом и тянулся лапкой к кнопке слива. В нашей квартире сантехника была не очень удобной конфигурации, и Том исправно пользовался лотком.

Заметив, что вот уже которую неделю кошачий туалет остается нетронут и чист, мы принялись искать по углам отложенные сюрпризы. Все было чисто. Ни малейшего намека на запах. Но через несколько дней завяла наша заморская полутораметровая пальма в фарфоровой кадке. Когда мы несли увядшее растение на помойку, в недрах кадки обнаружили то, что должно было быть в кошачьем лотке. Очевидно, Том под старость вспомнил месяцы в деревне, где так приятно было находить уголки задумчивости под кустами смородины. А заморская пальма не вынесла такого напора натуральных удобрений.

Том угас за неделю. Ему было восемнадцать лет. Последние дни он не вставал даже попить водички, лежал под капельницей. Он ушел от нас и вопреки всем христианским традициям нашел свое последнее пристанище рядом с могилой бабушки, на человеческом кладбище.

Мы верим, что где-то далеко они сейчас гуляют по кущам райских садов и Том, распушив свой полосатый хвост, гоняется за райскими птичками, взирая на нас с высоты облаков мудрыми зелеными глазами.

А знаете ли вы, что...

В столице Турции, Стамбуле, кошки – полноправные жители города, которых прикармливают и о которых постоянно заботятся, оставляя миски с едой и водой. Культ кошек начался во времена Пророка Мухаммеда, кошка – его самое любимое животное. Кошкам было разрешено заходить в мечети. Считалось, что в месте, где живет кошка, нет нечисти и враждебности. В исламе нет священных животных, но кошек запрещено бить и издеваться над ними. Мухаммад запретил продавать котов за деньги или обменивать на товары. Есть такая поговорка «Если ты убил кота, ты должен построить мечеть и просить прощения у Бога».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО ИТД «Скифия».

Купить полную легальную версию можно на сайте издательства www.skifiabook.ru